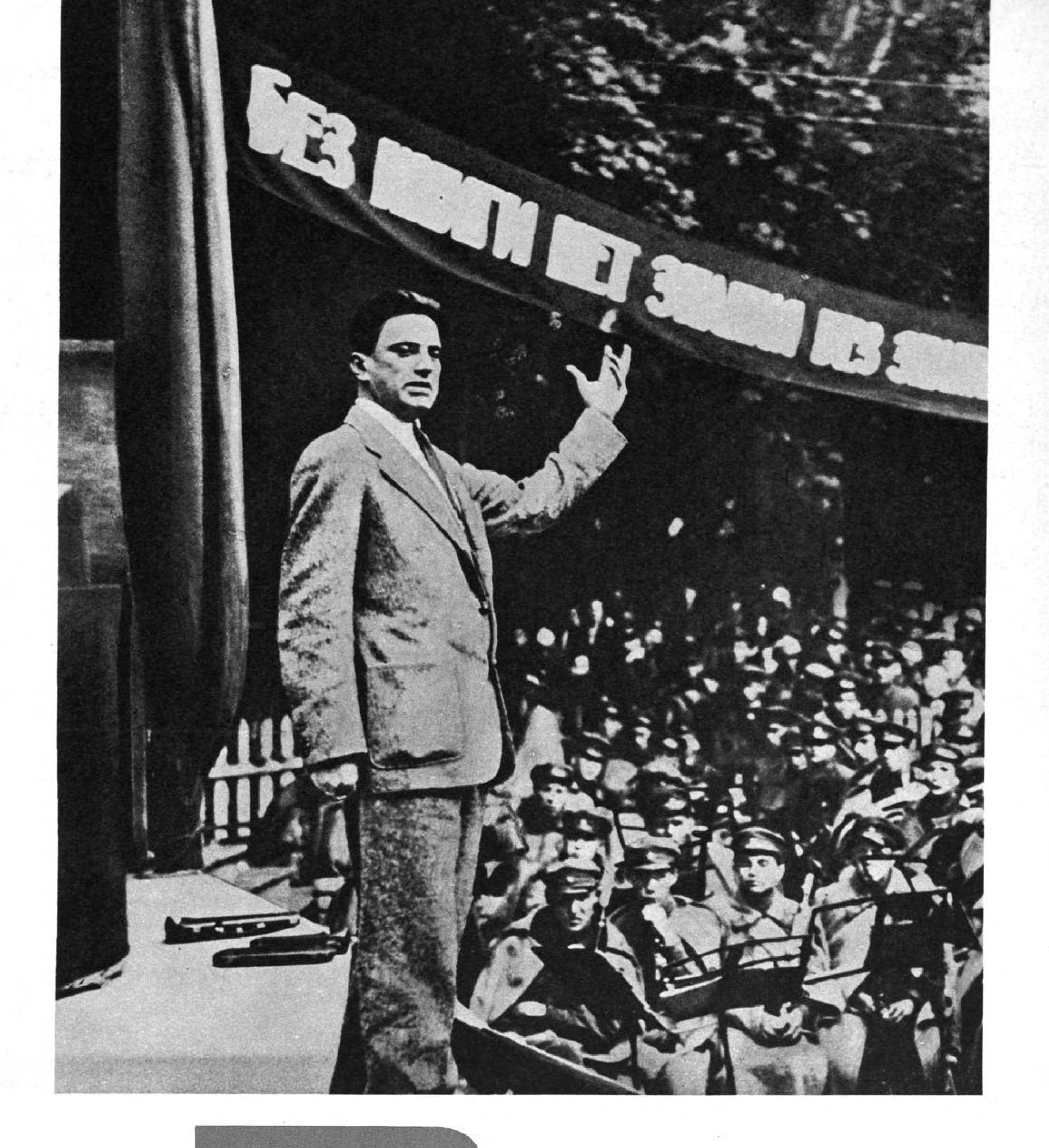

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

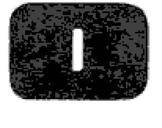

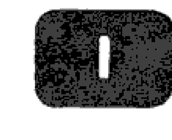
Во весь

(Из «Первого вступления в поэму»)

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою,—
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель нá дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

(1930)

Владимир
Маяковский

НАРОДА ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Центральный Комитет КПСС и правительство СССР устроили 8 июля в Кремлевском Дворце съездов прием в честь выпускников высших военных учебных заведений. Среди выпускников также офицеры и генералы армий ряда социалистических стран.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся руководителей партии и правительства.

Торжественный прием открыл министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Затем слово было предоставлено выпускнику Военной командной академии противовоздушной обороны майору Н. Н. Кочинову, генерал-лейтенанту болгарской Народной армии Д. Д. Попову, начальнику кафедры Военной инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского доктору технических наук генерал-майору С. Д. Сильвестрову.

Тепло встреченный собравшимися на приеме с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

На снимке: Кремлевский Дворец съездов. Прием в честь окончивших высшие военные учебные заведения. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Фото В. Кошевого (Фотохроника ТАСС).

СОЛИДАРНОСТЬ И ДРУЖБА

Сердечно и тепло встретила Москва Президента Объединенной Арабской Республики и Председателя Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насера.

Имя этого видного деятеля национально-освободительного движения, мужественного борца и патриота хорошо известно в нашей стране. Советские люди не в первый раз принимают главу дружественного государства Гамаль Абдель Насера на своей земле. Встречи государственных деятелей Советского Союза и ОАР — традиция, добрый знак прочных, дружеских отношений между нашими странами.

В июле 1952 года на египетской земле свершилась революция, которая открыла новый этап в борьбе египетского народа за свое национальное и социальное освобождение. На пути, который прошла с тех пор Объединенная Арабская Республика, было немало побед в преобразовании страны, в развитии экономики. Советские люди всегда с сочувствием следили за успехами ОАР.

Мирная жизнь и труд арабских народов в прошлом году были нарушены израильской агрессией, подготовленной совместными усилиями израильской военщины и международного империализма. Последствия разбойничьего акта до сих пор не ликвидированы, хотя арабские страны приложили немало усилий, чтобы превратить Ближний Восток в зону мира. Захватнические аппетиты израильских агрессоров и интересы врагов мира и прогресса мешают этому. Но так не может продолжаться долго.

На завтраке в честь высокого гостя из ОАР Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Мы убеждены, что захватнический курс израильских экстремистов в отношении арабских стран обречен на провал. Морально-политическая изоляция агрессора и его покровителей усиливается с каждым днем. В этой обстановке мы вновь заявляем о своей солидарности с арабскими народами».

Во время пребывания Гамаль Абдель Насера в СССР в Кремле состоялись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Президентом ОАР и Председателем Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насером. Эти беседы проходили в обстановке дружбы и сердечности. Они касались положения на Ближнем Востоке, путей ликвидации последствий израильской агрессии, а также вопросов двусторонних отношений и международных вопросов, представляющих взаимный интерес.

На снимке: перед началом бесед в Кремле.

Фото А. Гостева.

ПОСЛАНЕЦ ИНДИИ

Новым свидетельством крепнущей советско-индийской дружбы явился официальный визит Президента Республики Индия доктора Закира Хусейна, прибывшего 8 июля в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР.

На Внуковском аэродроме Президента Индии встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров и другие.

Среди встречающих — посол Республики Индия в Советском Союзе Кеваль Сингх, дипломатический состав посольства, индийские студенты, обучающиеся в вузах Москвы.

Тепло и сердечно приняла советская столица высокого гостя. На алых транспарантах, которые принесли на аэродром представители трудящихся Москвы, на языках русском и хинди было написано: «Да здравствует дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Индии!», «Добро пожаловать, господин Президент!», «Горячий привет великому индийскому народу!».

На всем пути следования высокого индийского гостя в отведенную ему резиденцию москвичи тепло приветствовали д-ра Закира Хусейна и других индийских гостей.

Н а с н и м к е: Президент Республики Индия Закир Хусейн, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

●

Италию посетила делегация вьетнамских женщин. Гостей из Демократической Республики Вьетнам тепло встретили итальянские коммунисты. В помещении Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии Генеральный секретарь ИКП товарищ Луиджи Лонго вручил подарки членам делегации.

ПОЭТ ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Интервью корреспондента «Огонька» с английским писателем Джеймсом Олдриджем

Звоню в Лондон, вызываю номер Джеймса Олдриджа. Мужской голос отвечает, что писатель в данный момент находится в Москве. Советует мне узнать его телефон в гостинице «Россия».

Мы встречаемся в холле гостиницы.

— Мое поколение,— говорит Джеймс Олдридж,— пришло на смену поколению, к которому принадлежал Маяковский. Его творчество наложило большой отпечаток на английскую современную литературу и английского читателя. Для нас он всегда был и остается одной из звезд первой величины мировой литературы. Вы даже не представляете, какое огромное значение имеют для нас на Западе многие его произведения. Такие, например, как «Стихи о советском паспорте».

Потрясающая сила этих стихов, личность самого поэта, с такой гордостью и радостью говорящего о своем советском гражданстве, о своей молодой Родине, не могли никого оставить равнодушным. Его произведения переводились и издавались в Англии много раз. Я могу сказать, что Маяковского сейчас знают и любят в нашей стране все больше и больше.

Особенно нравится его творчество нашей молодежи. Англия сейчас переживает тот период, когда распад Британской империи и потеря былого могущества не вызывают сомнения у самих англичан, хотя они и начали понимать это гораздо позже, чем в других странах. Мы переживаем период острой классовой борьбы. Нынешнее молодое поколение, особенно студенчество, отличается боевым духом. Английская молодежь настроена революционно. И ей нужна новая литература, новые герои. Еще, кажется, недавно молодые зачитывались произведениями писателей, которых у нас назвали «рассерженными молодыми людьми»,— Джона Брейна, Джона Осборна и других. Но для их творчества характерно отрицание, разрушение. На определенном этапе это сыграло свою роль, было и ново и смело. Но у них нет и не могло быть того положительного героя — сильного, стойкого борца, который есть у Маяковского и который нужен современной молодежи. В эпоху подъема классовой борьбы молодых привлекает героико-романтическая поэзия Маяковского, им близок присутствующий в ней дух юности, борьбы, желания победы.

Для меня лично все творчество Маяковского представляется ярким и стойким цветком, выросшим на почве Великой революции. И нам, на Западе, нужны такие герои и такая литература, как у Маяковского. В современной советской поэзии, как мне кажется, нет таких поэтов по силе и яркости героической романтики творчества, каким был Маяковский. Вообще в литературе, по-моему, существуют два направления. Одно — яркое и прекрасное, как у Маяковского. Другое — резкое, горькое на вкус, которое иногда тоже может быть прекрасным. Но у ряда молодых поэтов нельзя найти ничего, кроме резкости. Той романтики, которую я ценю в творчестве Маяковского, почему-то стало меньше.

Его произведения — гимн молодости. Это, по-моему, является ключом к пониманию Маяковского и оценке той огромной роли, которую он сыграл в литературе.

...Прощаясь, Джеймс Олдридж попросил передать привет читателям журнала «Огонек» и особый привет всем поклонникам таланта великого поэта.

Ирина ГАНИЧЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

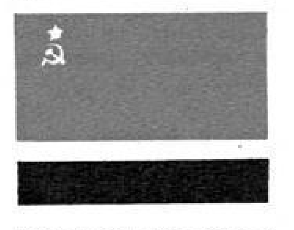
№ 29 (2142)

Основан 1 апреля 1923 года

13 ИЮЛЯ 1968

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «БРАТСКАЯ ДРУЖБА» ПРИВЕТСТВУЕТ ПОСОЛ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЙОЖЕФ СИПКА

Визит в Советский Союз партийно - правительственной делегации ВНР во главе с товарищем Яношем Кадаром еще раз показал, что венгеро-советская дружба отвечает интересам наших народов и всеобщим интересам прогресса. «Для нас,— сказал товарищ Янош Кадар в Москве,— особенно важна дружба Советского Союза, ибо это прочная опора нашего социалистического развития, нашей национальной независимости, государственной суверенности и мира».

Выражением теплых чувств между нашими народами явился конкурс «Братская дружба», проведенный журналом «Огонек» и посольством Венгерской Народной Республики.

Мне кажется исполненным глубокого смысла то, что первую премию получили два педагога — Сергей Мельников и Янош Домонкош. Их большая заслуга в том, что они — воспитатели молодого поколения — сумели со школьной скамьи привить своим воспитанникам идеи советско-венгерской братской дружбы. Корни ее уходят в историю. Сегодняшний день дает немало ярких проявлений нашей дружбы, а завтра, когда станут взрослыми ученики С. Мельникова и Я. Домонкоша, их будет еще больше. Мне хотелось бы передать горячий привет всем участникам конкурса «Братская дружба» и поблагодарить редакцию журнала «Огонек» за его проведение.

ОДНО НАС ОСЕНЯЕТ ЗНАМЯ

Итоги конкурса «Братская дружба»

Закончился конкурс «Братская дружба». Жюри присуждает первую премию СЕРГЕЮ НЕСТЕРОВИЧУ МЕЛЬНИКОВУ, заместителю директора школы № 9 г. Батайска («Огонек» № 28 «Медаль за город Будапешт»), и д-ру ЯНОШУ ДОМОНКОШУ из венгерского города Сомбатхей, автору материала «Посылка» («Огонек» № 28).

С. Н. Мельников получает путевку на поездку в Венгрию, а Я. Домонкош — в Советский Союз.

Премиями награждаются также ветеран рабочего движения, председатель Венгеро-Советского общества VI района Будапешта Енё Надь, журналист Вл. Васенков из Брянска, Дм. Трунов (Махачкала), Н. Половко, П. Николаев со станции Клявлино, Куйбышевской области, А. Садиленко (Липецк), журналист А. Комаров из Сочи, А. Ковтун (Симферополь), А. Панчулазян (Ерёван), Ю. Гольдман (Чита).

Откуда только не пришли материалы на конкурс! Из Якутии, Крыма, Сибири, с Украины, Дальнего Востока... Много писем прислано из Венгерской Народной Республики. В пропаганде конкурса там приняли участие журнал «Орсаг Вилаг», центральные и местные газеты.

Между Советским Союзом и Венгрией существуют прочные дружеские отношения. Руководители наших стран обмениваются визитами. Совсем недавно наша страна тепло принимала дорогих гостей — партийно-правительственную делегацию Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ВСРП Яношем Кадаром. Этот визит, сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «мы рассматриваем как новый важный этап в развитии и углублении братских отношений, дружбы и сотрудничества, объединяющих наши партии, наши государства, наши народы». Мы день ото дня укрепляем братские связи между нашими странами. Эти связи не могли бы существовать, если бы люди — советские и венгры — не питали бы друг к другу тех чувств, которыми они поделились в письмах, пришедших на конкурс.

Многие читатели прислали нам воспоминания об участии венгерских интернационалистов в гражданской войне.

Три письма из далекой Якутии посвящены славному сыну венгерского народа Эрнесту Светецу. Секретарь райисполкома Д. Жирнов, кандидат исторических наук Б. Мукачев и учитель истории Г. Софронов из города Среднеколымска собрали много различных материалов о жизни и деятельности этого интересного человека. Вступив в Красную гвардию Томска, Э. Светец вскоре стал командиром, сражался против банд атамана Семенова, устанавливал Советскую власть на Колыме. Отважный революционер погиб, когда его отряд попал в засаду белых на берегу реки Индигирки. За установление Советской власти на Колыме мужественный интернационалист посмертно был награжден орденом Красного Знамени. В центре села Арылах, Верхнеколымского района, стоит памятник коммунисту Э. Светецу. О митинге, который состоялся здесь весной этого года, нам рассказал Василий Александрович Егоров из Вилюйска. М. Данилов и В. Хохлачев из поселка Усть-Нера, Якутской АССР, написали очерк о жизни славного сына венгерского народа. Они сообщают, что памятник Э. Светецу установлен и в поселке Томтор, у центральной усадьбы совхоза «Оймяконский». Имя героя носит Томторская средняя школа и одна из улиц поселка якутских оленеводов. Очерк кончается словами: «Память о подвиге сыновей венгерского народа, вставших на защиту завоеваний Великого Октября, никогда не померкнет».

Подтверждение этой мысли мы находим и в других письмах: М. Полыновский из Ташкента поделился своими воспоминаниями о том, как венгерские интернационалисты сражались за Советскую власть на фронтах гражданской войны в Туркестане. Н. Сунгоркин из Хабаровска долго разыскивал данные о венгре, которого расстреляли японцы как большевика. С помощью газеты «Непсабадшаг» удалось установить, что это был Иштван Андраш Саз, который воевал с белыми на Уссурийском фронте.

«Всем товарищам по работе за коммунизм — сердечные приветствия» — это автограф Ференца Мюнниха на фотографии, которую бережно хранит Ю. Гольдман из Читы, специально собирающий материалы о венгерских интернационалистах. Он рассказал нам о встрече с Ф. Мюннихом в день его 80-летия.

Владимир Ситник в боях за Будапешт 27 января 1945 года повторил подвиг Александра Матросова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 года украинскому комсомольцу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. О подвиге своего земляка-донбассовца написал В. Братков из Артемовска.

Николай Коверя рассказал, как была спасена венгерская девочка в городе Секешфехервар, а гвардии майор запаса, ныне директор школы № 3 в Алуште, Александр Тарин вспоминает о венгре, имени которого он так и не узнал, которому он обязан жизнью.

Во многих письмах — рассказы о встречах после войны.

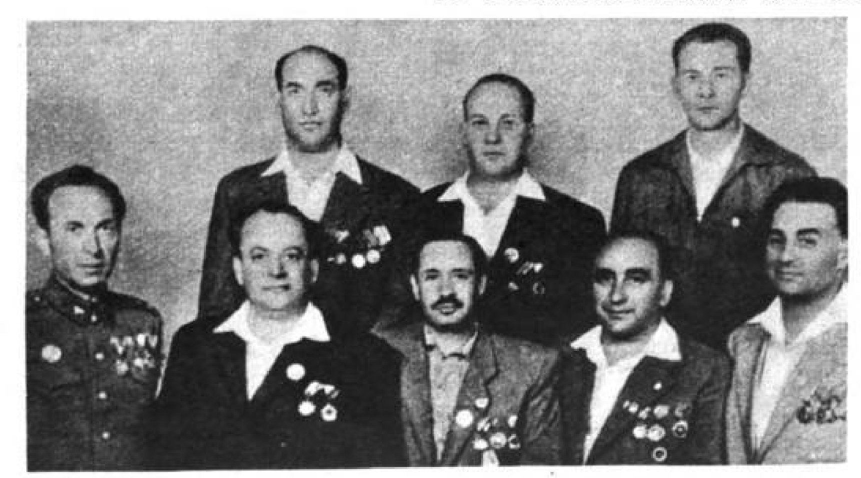
Через 23 года нашел профессора Г. И. Агаджаняна майор авиации венгерской Народной армии Дьюла Катона. Осенью 1944 года в Кечкемете, в полевой госпиталь, начальником которого был тогда Агаджанян, зачислили санитаром венгерского паренька. Его полюбили раненые и персонал. И вот через 20 с лишним лет Дьюла разыскал советского врача. Теплой и сердечной была встреча в Ереване, где Катона был гостем Агаджаняна.

Так же тепло встречала в Евпатории Лидия Сергеевна Мартыщенко — та самая советская разведчица, о которой рассказывается в фильме «Альба Регия»,— Кароя и Шари Хорнянски, укрывавших ее в своем доме в Секешфехерваре в январе 1945 года.

«Одно нас осеняет знамя,
Один нас озаряет свет» —
эти слова взял эпиграфом к своему материалу учитель географии М. Попов. Они могут служить эпиграфом ко всем письмам, присланным на конкурс «Братская дружба».

Редакция журнала «Огонек» и посольство Венгерской Народной Республики поздравляют лауреатов конкурса и благодарят всех его участников за сердечные, теплые письма.

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ

На встрече бывших венгерских партизан Брянских лесов. Вверху, справа налево: Вильмош Кадар, Ласло Хамбургер, Ласло Креш. В нижнем ряду — Андор Кереши, Дьердь Фогараши, Ласло Неван, Иштван Майор, Бела Кенде.

Старенький «дуглас» шел над самым лесом. Самолет держал курс на знаменитый партизанский аэродром Смелиж.

Четверо пассажиров напряженно всматривались в черноту внизу. Один из них — венгр Пал Фельдеш, коммунист.

В Брянских лесах, у партизан, он составлял и сам печатал воззвания к венгерским солдатам, воевавшим в хортистских частях, обращался к ним со страниц «Партизанской правды». Протянулись невидимые нити из штаба объединенного командования, где работал теперь Пал Фельдеш, в гарнизоны 102-й, 109-й и 108-й венгерских дивизий.

22 октября 1942 года партизаны атаковали венгерский гарнизон в селе Шилинке. Здесь стояла часть майора фон Парага — матерого фашиста, создававшего в Будапеште первые фашистские банды. Большая группа солдат так называемого рабочего батальона перешла на сторону партизан. Сказалось влияние пропагандистской деятельно-

сти Фельдеша. Да и сами солдаты все яснее понимали, на чьей стороне правда.

Всех венгров, и перебежчиков и пленных, собрали в Смелиже. Девяносто два человека. Одеты совсем не по-зимнему. В пилотках. В легких шинелишках. Поверх накинуты коричневые плащи.

Через Фельдеша начальник политотдела объединенных партизанских отрядов Василий Андреевич Андреев обратился к венграм:

— Вчера вы были нашими врагами. Сегодня — наши пленники. Завтра можете стать друзьями и вместе бороться с общим врагом — фашизмом. Не торопитесь с ответом. Подумайте. Вы должны раз и навсегда принять поворотное в вашей жизни решение.

Через некоторое время венгров снова собрали вместе. Когда у них спросили, хотят ли они стать с партизанами рядом, поднялось множество рук.

Неван Ласло взобрался на ящик, заговорил. По его призыву пленные и перебежчики стали срывать погоны.

Ласло Неван начал работать в политотделе. Он стал страстным политическим бойцом, пропагандистом. Вместе с Пал Палычем, как звали партизаны Фельдеша, сочинял листовки, обращенные к солдатам хортистских войск, персональные записки к знакомым.

Бела Кенде, Дьердь Фогараши, Андор Кереши, Вильмош Кадар, Ласло Хамбургер и другие ходили на боевые операции как рядовые бойцы.

По-разному сложились военные судьбы венгерских товарищей.

Иштван Геллен, Реше Кошу, Иштван Танцош, как и многие другие, навсегда остались под соснами Брянского леса.

Тяжелым был бой у разъезда Нерусса в ночь на 25 июля 1943 года. Предстояло взорвать большой железнодорожный мост и тем самым затруднить гитлеровцам подвоз резервов на Орловско-Курскую дугу. В операции участвовали отряды имени Ворошилова, имени Руднева, имени Дзержинского, «За власть Советов» и большая венгерская группа.

— В эту роковую ночь вместе с русскими погибли двадцать два партизана, носивших венгерские фамилии,— вспоминает бывший комиссар первой бригады имени Ворошилова Алексей Федорович Князев.

В партизанском отряде имени Дзержинского был великолепным врачом и отважным солдатом Реже Ковше. Он ходил на самые рискованные операции. В одном из боев Ковше был тяжело ранен. Кругом болото, спасения нет. Но раненого подобрали женщины, вылечили.

Как-то налетели каратели. Пойманных во время облавы бросили в вагоны и повезли на запад. В дороге арестованные подготовили побег. Реже Ковше на полном ходу поезда выбросился из вагона и бежал. В лесу он разыскал белорусских партизан и остался у них до конца войны.

...Некоторое время назад я побывал в Будапеште. Первым делом постарался разыскать тех, кто партизанил в Брянских лесах. Сердечной была эта встреча. Неван Ласло, профессор Будапештского университета, рассказывал:

— Мы часто встречаемся. Вспоминаем погибших товарищей, наших партизанских командиров, боевых русских друзей. Чаще всего такие встречи проходят в Союзе венгерских партизан. В нем есть особая группа партизан Брянских лесов. «Брянское подразделение», как мы его называем. Есть и своя лекторская группа. Выступаем перед молодежью. Рассказываем о боях с фашизмом, о проверенной под пулями интернациональной дружбе венгерских и советских людей.

Вл. ВАСЕНКОВ

Брянск.

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА!

Эти строки я пишу на забайкальском севере, в селе Тупик, в центре Тунгиро-Олекминского района. Здесь сражались за Советскую власть венгерские интернационалисты.

В 1918 году в Чите из бывших военнопленных был сформирован венгерский интернациональный отряд, смело дравшийся с белогвардейцами. Летом положение на Восточном фронте резко ухудшилось. Было решено перейти к партизанской борьбе. Красные отряды уходили в тайгу.

Отряд «красных мадьяр», как их называли, прибыл на станцию Могоча и оттуда по Тунгирскому тракту пришел в село Тупик. Здесь венгры построили плоты, погрузили на них оружие, боеприпасы, продукты и двинулись вниз по реке. Река обмелела, плоты были перегружены и часто застревали на мелководье. Роковым оказался бурный перекат с подводными валунами в 80 километрах от Тупика, неподалеку от устья реки Черемной.

Пришлось зимовать в тайге. Белогвардейцы нащупали венгерский отряд. Преодолевая холод и голод, экономя боеприпасы, интернационалисты отбивали атаки противника. Русские рабочие, охотники-эвенки пробирались в тайгу, чтобы разделить с революционными мадьярами последний кусок хлеба, десяток патронов, горсть махры.

Не знали интернационалисты, что в те самые мартовские дни 1919 года, когда алел от венгерской крови снег в забайкальской тайге, над весенним Будапештом полыхали красные флаги и В. И. Ленин по поручению Восьмого съезда партии приветствовал революцию в Венгрии.

...В августе 1963 года участники боев за освобождение Венгрии, местные жители — коммунисты и комсомольцы спустились вниз по Тунгиру и у Мадьярского переката (так называется уже пятьдесят лет место, где сражались «красные мадьяры» с белогвардейцами) поставили памятник бойцам революции.

У памятника венгерским интернационалистам на берегу Тунгира.

Фото А. Ульзутуева.

Часто бывают здесь школьники, молодежь. Летом 1967 года по Тунгиру к Мадьярскому перекату устремилась целая флотилия моторных лодок; здесь состоялся седьмой пленум Тунгиро-Олекминского райкома комсомола с повесткой дня: «Мы верны подвигам отцов».

«Красные мадьяры» не будут забыты, как и советские воины, чьи имена выбиты на цоколе памятника на горе Геллерт в Будапеште.

Ю. ГОЛЬДМАН

Село Тупик — Чита.

ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЮТ ИЗ США РАБОЧИЙ УИЛЬЯМ СУПЕР И ДОКТОР БЕНДЖАМИН СПОК

ЛЕНИН—ВЕЛИЧАЙШИЙ ЧЕЛОВЕК

«Недавно у меня гостили родственники, живущие в далеком сибирском селении. Они рассказывали, что несколько лет назад услышали по радио, как один американский рабочий прислал в Москву деньги; он попросил приобрести на них цветы и возложить букет у Мавзолея В. И. Ленина. Я рассказал об этом своим товарищам на заводе. Они очень заинтересовались, а один из них на следующий день принес из дому случайно уцелевшую фотографию из какого-то журнала. На ней видны цветы, а также имя и фамилия этого рабочего из Соединенных Штатов Америки. Посылая вам эту фотографию, просим познакомить нас с Уильямом Супером на страницах журнала «Огонек»,— так закончил свое письмо читатель А. Семенов из города Красноярска.

У Мавзолея В. И. Ленина.

Выполняя просьбу читателей, мы попросили Уильяма Супера рассказать о себе. Публикуем его ответ.

«Дорогие друзья, товарищи,— пишет Уильям Супер,— очень сожалею, что не мог сразу ответить вам. Я очень рад, что мое письмо будет опубликовано в вашем журнале.

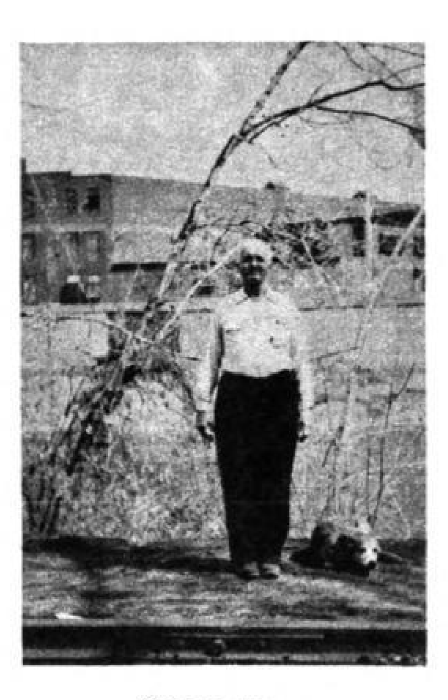
Я родился в 1898 году. Состоял в Американской федерации труда, а также был членом организации Индустриальные Рабочие Мира. Я трудился во многих местах, на разных производствах, работал и на пароходах в Сиэтле.

У рабочих капиталистических стран горькая участь: они вынуждены повседневно и упорно бороться за свое существование. Я против войны во Вьетнаме, поэтому внес деньги на покупку пенициллина, который отправили во Вьетнам.

С восторгом отношусь к учению Ленина, к СССР с самого начала. Несколько лет я посылал через Московское радио деньги, чтобы возложить цветы у Мавзолея Ленина.

Владимир Ленин — величайший человек, возглавивший социалистическую революцию в России и повернувший историю человечества к социализму. Его имя навсегда останется в памяти нашей планеты.

Сердечно ваш
Уильям СУПЕР».

Уильям Супер.

Письмо от доктора Спока

Весть о том, что видный американский ученый, общественный деятель, доктор Бенджамин Спок и его идейные друзья привлечены в США к суду за то, что они решительно выступили против несправедливой, преступной войны США во Вьетнаме и призывали американскую молодежь не ехать на войну во Вьетнам, всколыхнула общественное мнение во всем мире.

Многие читатели «Огонька», выражая сочувствие доктору Споку как представителю самой гуманной профессии, борцу за здоровье, за мир и счастье людей труда, с беспокойством спрашивают нас, как поживает он теперь.

Доктор Спок ответил нам немедленно. Его письмо весьма короткое, но бодрое, очень деловое. Он сообщает нашим читателям: «Загружен перепиской. Накопилось у меня писем за несколько месяцев. Мне еще нужно подготовить к сентябрю рукописи двух книг, но я и с этими работами запаздываю. В США меня засыпали просьбами выступать против войны. Кончаю на этом свое письмо.

Благодарю вас за обращение ко мне.

С искренним приветом

Бенджамин СПОК».

Бенджамин Спок.

Как редко мы задумываемся над значением слов, которые произносим каждый день! Например, вот это простое и короткое слово — «МЫ». Путешествуя по Туркмении, вы услышите его на каждом шагу. «Мы бурим скважину. Наверняка дадим нефть»,— говорят нефтяники. «Вот увидите, мы будем выращивать финиковые пальмы в нынешней пустыне»,— утверждают строители Каракумского канала. «Слышали, вчера мы опять запустили спутник?»— случайный разговор в ашхабадском автобусе.

Ничего удивительного, мы привыкли так говорить. А английский писатель Алан Силлитоу удивился: «Если бы я спросил рабочего в Ноттингеме: «Что это вы тут строите, приятель?»— он бы ответил: «Да вот они хотят ставить электрическую станцию», «Они опять строят дома для учреждений». В Советском Союзе я ни разу не слышал, чтобы мне сказали: «Они строят», здесь все говорят: «Мы строим...»

Давайте порассуждаем сегодня об этой удивительной привычке — говорить «МЫ».

НАШ СОБЕСЕДНИК

Мы — интернационалисты

Б. ОВЕЗОВ,
первый секретарь ЦК КП Туркменистана

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как, на ваш взгляд, можно коротко объяснить привычку наших людей употреблять слово «МЫ», когда речь идет об их делах и планах?

Б. ОВЕЗОВ. У нас каждый трудящийся является подлинным хозяином своей судьбы, своей страны. Во всем, что делается в Советском Союзе, обязательно есть и его доля труда. Поэтому он с полным основанием говорит «МЫ». И еще одна особенность: СССР — страна интернациональная. Вот почему в нашем понимании МЫ означает еще интернационализм.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вероятно, эти понятия так или иначе нашли отражение в национальном характере туркменского народа.

Б. ОВЕЗОВ. В характере всех народов Советского Союза, в том числе и нашего. Подлинная дружба народов могла сложиться только после Великой Октябрьской социалистической революции, которая положила конец эксплуатации человека человеком, национальному угнетению народов, которые жили на окраинах царской России. Великий Октябрь помог угнетенным народам в короткий исторический срок подняться на современный уровень развития экономики и культуры. Прежде чем научиться говорить «мы строим», туркменскому народу и другим народам нужно было еще пройти сложный путь, отбросить кое-какие старые традиции.

Многие столетия туркмены разделялись на племена. Тут не было национальных междоусобиц, но были междоусобицы племенные. Хан Хивинский, эмир Бухарский, а позже еще и капиталисты немало потрудились над тем, чтобы туркменские племена не жили в мире. Так легче было их грабить, легче угнетать.

Социализму чужда всякая национальная ограниченность. И туркмены, как и все национальности СССР, могут не только по привычке, но и с полным правом сказать: «Мы запускаем спутники» или «Мы покоряем Антарктиду», потому что МЫ — это весь советский народ, многонациональный и в то же время единый. Наш интернационализм основан не на словах и добрых пожеланиях, у нас одна Родина — Союз Советских Социалистических Республик, одна экономика, одно мировоззрение — марксизм-ленинизм и одна цель — построение коммунизма. Поэтому любовь к земле своих отцов, к своей республике неотделима в сознании наших людей от любви к Советской стране. Настоящий патриот не может не быть интернационалистом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Русский революционный демократ В. Г. Белинский, говоря о чувстве любви к родине, заметил, что «надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования». То есть никакое большое чувство не терпит застоя, оно живо только тогда, когда развивается...

Б. ОВЕЗОВ. Я понял, о чем вы хотите спросить. Самоуспокоенность всегда бесплодна. Интернационализм не может быть только теорией или воспоминанием, он живет в каждодневном обновлении, в каждодневном подвиге. Солдаты минувшей войны, вспоминая прошлое, говорят: «Мы победили фашизм». Оценивая свои сегодняшние дела, они могут сказать, например, так: «Мы побеждаем пустыню».

Я имею в виду строителей Каракумского канала. Сооружение нашей знаменитой Каракум-реки под силу только интернационалистам. Представители 36 национальностей участвуют в этом громадном деле. В 1965 году лучшие из них были отмечены Ленинской премией. Вы найдете среди них русского Власова, туркмена Гельдыева, грузина Церетели.

С каждым годом укрепляются экономические взаимосвязи между братскими республиками нашей страны. Это вполне понятно: ведь у

Самая массовая профессия в Туркмении, самая большая многонациональная семья в республике — строители. На нашем снимке двенадцать из тысяч (справа налево): туркмен К. Мамедов, татарин Н. Усманов, русский В. Черников, армянин А. Бабаянц, узбек Б. Щербаев, молдаванка И. Панкевич, русский И. Потапов, украинка В. Степанова, украинец Н. Онищенко, русский В. Косицын, дагестанец А. Дзуцев, лезгин А. Абдулкадыров.

Фото Д. Ухтомского.

нас одни задачи и одни цели. В Туркмении много богатств — газ, нефть, хлопок, каракуль, шелк. И мы считаем своим интернациональным долгом поставить эти богатства на службу всему советскому народу. Туркменский газ уже пришел в Москву и Ленинград. Наши учителя, ивановские текстильщики, помогавшие налаживать у нас первую текстильную фабрику, делают ткани из туркменского хлопка.

Дружба народов, интернационализм пронизывают всю нашу жизнь. Вы можете приехать в отдаленный колхоз и услышать, как туркменские ребята поют русские, узбекские, украинские песни. Туркменам близко и дорого искусство всех братских народов. Это тоже говорит о многом — о взаимообогащении культур социалистических наций. Примеры можно приводить сотнями. Туркмены были в царской России, пожалуй, единственным народом, который вообще не знал танцев. Да, туркмены просто не имели ни малейшего представления о том, что значит танцевать. Сейчас в республике хороший балет. В апреле этого года в Ашхабаде проходил всесоюзный семинар балетмейстеров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы сказали, что путь от старых племенных междоусобиц к сегодняшней дружбе народов был сложен. Вероятно, у каждого отдельного человека, прошедшего этой дорогой, были и свои сложности и свои учителя. Расскажите, пожалуйста, об этом. И, если можно, о себе.

Б. ОВЕЗОВ. В каждой туркменской семье много было разных сомнений и раздумий. Нужно было найти в себе мужество и пренебречь старыми обычаями. Это было нелегко. Мой отец рано ослеп. Детей нас было пятеро. Отцу посоветовали отдать меня в детский дом. Многие его отговаривали: «Оденут твоего сына и обуют, читать и писать научат, жить ему там будет лучше — это все верно. Но там его сделают иноверцем». Отец долго думал, потом все-таки решился. Воспитателями в детском доме были русские, азербайджанцы, татары. Хорошие были люди, с большой любовью я их вспоминаю. Для меня первой школой интернационализма стал тот детский дом. Для других — школа, пионерские отряды. Но главным воспитателем была жизнь, новый образ жизни, завоевания революции, которые коренным образом изменили национальный характер туркменского народа.

Вот заговорили мы о национальном характере, о национальных традициях и обычаях. Хочу сказать тут об одном. Известно, что старые национальные традиции и обычаи дольше всего сохраняются в семейных отношениях. Раньше, если девушка выходила замуж за юношу из другого племени, не говоря уже о браке с человеком другой национальности, то это считалось отступничеством, почти преступлением. Теперь у нас появилось много смешанных семей. Дети в таких семьях обычно говорят на двух языках.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Так сказать, семейный интернационализм?

Б. ОВЕЗОВ. И новые семейные традиции и вообще новые жизненные устои. Это очень и очень важно. Я считаю так: если новые социальные связи нашли отражение в семейных отношениях,— это верный признак того, что они крепки, они способны выдержать любые испытания. Если судьба человека в миниатюре, в какой-то части повторяет пути развития государства, то несокрушим этот государственный строй и велик человек, находящийся в таком великом родстве.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не смогли бы вы рассказать о таком человеке?

Б. ОВЕЗОВ. Таких людей много. Тысячи. Десятки тысяч. Даже не знаю, о ком вам рассказать... Расскажу об Огульгельды Джумаевой. Перед самой войной она вышла замуж. Только свадьбу сыграли — муж на фронт ушел. И погиб. А ее председателем колхоза избрали. Колхоз имени Калинина в Керкинском районе. С той поры Джумаева — бессменный председатель. И отличный председатель. Недаром носит Золотую звезду Героя Социалистического Труда, и депутатом Верховного Совета республики ее избрали не случайно. Колхоз изменился неузнаваемо. Построено много. Дом культуры, школы, дома. Сад посадили огромный. Там был построен первый сельский родильный дом. Построить было гораздо легче, чем приучить женщин туда обращаться. Джумаева и это смогла. Своих детей у нее не было, она воспитывает детей брата, тоже погибшего на фронте. Вот какая это женщина. В ее характере — лучшие черты, воспитанные нашим общественным строем: трудолюбие и скромность, отзывчивость на любую людскую беду и партийная принципиальность.

Война принесла всем нам много горя, но она дала нам почувствовать наши силы. И была проверкой нашей дружбы.

Во время Отечественной войны недалеко от Ростова погиб лейтенант Герой Советского Союза Аннаклыч Атаев. Сам он был родом из Тахтинского района. Погиб туркмен на русской земле, защищая свою страну. Школе в том месте присвоили его имя. В прошлом году приехали ребята на родину героя. Встреча была теплая. Потом родители Атаева ездили в Ростовскую область и были очень тронуты тем, как русские люди бережно хранят память об их сыне. Что может быть крепче такой дружбы, скрепленной кровью, пролитой за общее дело! И советские люди всех национальностей с полным правом могут сказать: «Мы победили фашизм».

Партийная организация республики уделяет большое внимание интернациональному воспитанию молодежи, хотя за последние годы нашим партийным организациям не пришлось ни разу обсуждать вопросов о каких бы то ни было проявлениях национальной розни. Таких проблем у нас нет. Это результат правильной ленинской политики нашей партии. И все-таки вопросы интернационального воспитания стоят в центре нашей идеологической работы. Дружба народов — движущая сила развития советского общества, залог построения коммунизма. Плохие бы мы были коммунисты, если бы довольствовались тем, что есть. Всякий прогресс требует постоянного совершенствования. И дружбу народов мы должны беречь, развивать, крепить и углублять.

Теперь часто, произнося слово «МЫ», люди имеют в виду не только своих соотечественников. МЫ — это содружество социалистических стран, способное дать отпор любым проискам империалистов. МЫ — неодолимая сила современности и за НАМИ — будущее.

Александр ЛАКТИОНОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Вчера и завтра

«Нельзя отделять искусство от любви к родине; кто поступает так, тот лишь наполовину служит отчизне... Искусство сейчас для нас является своего рода оружием».

Ян МАТЕЙКО

СТО КАРТИН

Краков. Как живописен этот город, в котором каждый дом, улица, площадь, каждый памятник — страницы древней летописи Польши! Здесь, в Кракове, на Флорианской улице, стоит старинный дом. В нем жил, работал и умер великий польский живописец Ян Матейко.

«Он принадлежит к числу самых больших художественных талантов Европы XIX века»,— писал о Матейко выдающийся русский критик Стасов.

Взгляните на «Автопортрет» Матейко, опубликованный на цветной вкладке журнала. Этот холст написан в 1892 году, незадолго до смерти автора. На нас устало смотрят близорукие глаза пожилого, тяжело больного художника. Но недуг не сломил его. Волей отмечен образ живописца — высокий, выпуклый лоб, открытое лицо, обрамленное волнистой бородой, энергичные, нервные руки мастера. Колорит полотна глубок, он построен в красивой коричнево-золотистой гамме с резкими ударами света, написан в лучших традициях портретов Ван Дейка, Брюллова...

Матейко сидит в старинном кресле и, очевидно, отдыхая, рассматривает оконченный холст. Палитра и кисти отложены в сторону. Портрет глубоко значителен: труд всей жизни завершается, и мудрый живописец как бы ощущает дыхание вечности. Но он встречает финал спокойно: его долг исполнен! Пятьдесят пять лет, из которых сорок отданы безраздельно творчеству, принесли свои плоды. Сто картин, девяносто портретов, шесть тысяч рисунков — таков итог этой жизни.

Сто картин, из которых многие поражают не только блеском исполнения, но и грандиозностью замысла. Ведь в таких композициях, как «Битва при Грюнвальде», действуют десятки фигур. Сражающиеся воины написаны в сложнейших ракурсах, порою в натуральную величину. Размер этого колоссального холста уникален — почти сорок квадратных метров!

Картина изображает известное историческое событие, когда польско-литовское войско вместе с чехами и русскими наголову разбило под Грюнвальдом тевтонских рыцарей. Это полотно — плод многолетней работы Матейко.

Вот что писал об этом полотне Репин: «Во всех углах картины так много интересного, живого, кричащего, что просто изнемогаешь... воспринимая всю массу этого колоссального труда... везде открываются новые ситуации, композиции, движения, типы, выражения. Это поражает, как бесконечная картина вселенной...».

Интересна судьба шедевра. В черные годы немецко-фашистской оккупации польские патриоты спрятали картину и спасли ее от уничтожения.

МИР МАТЕЙКО

Юный Ян ничем не выделялся среди своих сверстников. Более того, он учился в школе очень средне, так как был весьма слабого сложения и частенько прибаливал. Но, несмотря на это, он вдруг проявил незаурядную энергию в рисовании и изучении истории Польши. Эта первая юношеская страсть будет сопровождать Матейко всю жизнь, будет единственной и всепоглощающей.

«Родился, жил, работал и умер в одном и том же доме в Кракове»,— читаем мы... Вот и все внешние черты биографии. Да, если не считать двух лет учебы в Мюнхене и Вене и нескольких кратковременных поездок во Францию, Италию, Турцию. Поистине многие любители эффектных историй будут разочарованы биографией Матейко: женился в двадцать восемь лет, был любящим отцом, вел образ жизни размеренный, порою педантичный. Работал с утра до ночи каждый день, сорок лет подряд. Писал, рисовал, компоновал. И еще... курил крепкие папиросы и пил крепчайший черный кофе — своеобразный допинг,— и все во имя работы, работы, работы...

Сохранился автошарж Матейко, где он изображает себя у холста с палитрой и кистями, увлеченного работой над всемирно известной картиной «Коперник». Художник творит!.. А рядом трое его детишек пляшут, играют — словом, делают все, чтобы помешать отцу работать.

Нет возможности в короткой статье описать содержание наиболее известных картин Матейко. Но одно характерно для них. Лейтмотив всех композиций — история Польши, всем им присуще одно великое качество: патриотизм.

«Мир Матейко» — такие слова приходят на ум, когда вживешься, всмотришься в сонм образов, созданных кистью художника.

«Мир Матейко» — это широко распахнутое окно в чудесный мир старины, сверкающий великолепно написанными персонажами, костюмами, оружием, утварью, интерьерами.

«Мир Матейко» — это столкновение страстей, драматических коллизий, порой достигающих шекспировского звучания. Конечно, этот «Мир», эта «Вселенная» могли быть созданы творцом, не только владеющим великолепным мастерством рисунка, живописи и композиции, но и человеком, обладающим глубоким знанием и любовью к истории своей родины. И тут перед нами раскрывается еще одна поразительная черта характера великого польского живописца — Ян Матейко с самых юных лет под влиянием старшего брата, доцента Ягеллонского университета, принялся за изучение истории и с той поры никогда не расставался с книгами, документами, летописями, черпая из этого кладезя темы для своих полотен. И еще одна любопытная деталь характера художника — его страсть к коллекционированию. Правда, это увлечение нисколько не мешало творчеству, а скорее помогало ему. Он с юных лет собирал антики и предметы польской старины — оружие, одежду, убранство, посуду.

Нам потому так подробно хочется рассказывать об этих слагаемых творчества Матейко, чтобы напомнить многим сегодняшним ценителям и ревнителям искусства, сколько труда, изучения и, наконец, великой любви требует от истинного художника искусство!

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Матейко и Репин — крупнейшие художники-реалисты польского и русского искусства XIX века. При всей несхожести их темпераментов, их судеб, при всей различности тематики картин их объединяет одержимость, преданность искусству и огромная, кажущаяся порою фантастической работоспособность.

Картины Матейко и Репина экспонировались на Венской всемирной выставке в 1873 году и имели там большой успех. Вот что писал известный русский критик Прахов:

«Кто же на этом состязании служил представителем славянского племени? Если собрать всех находившихся на Венской выставке, конечно, смыслящих в искусстве, славян и предложить им пустить этот вопрос на голоса, то несомненно, что приговор оказался бы в пользу двух художников — краковского поляка Яна Матейки и русского И. Репина. И тот и другой служили верными выразителями своих народностей». И далее он пишет: «Ян Матейко... так сказать, спас историческую живопись на всемирном состязании и поддержал с русским своим товарищем честь славянского имени. Сильный, вполне самородный драматический талант самоучки, горячее патриотическое сердце — вот отличительные его черты».

И, как мы видим сегодня, Прахов не ошибся, выделив Матейко и Репина на первые места. В последующие годы их таланты выросли и раскрылись в десятках превосходных полотен. Но судьба этих художников сложилась так, что в эти годы они, выставляясь порой на одних и тех же выставках, никогда не встречались и не были лично знакомы.

И надо было так случиться, что ровно через двадцать лет после Венской всемирной выставки Илья Ефимович Репин спешит в Краков,

Ян Матейко. 1838—1893. АВТОПОРТРЕТ. 1892.

Народный музей в Варшаве.

Ян Матейко. ВИТ СТВОШ С ВНУЧКОЙ. ВНУЧКА ВЕДЕТ ОСЛЕПШЕГО ХУДОЖНИКА К ЕГО СКУЛЬПТУРЕ. 1865.

Народный музей в Варшаве.

чтобы лично познакомиться с Яном Матейко и в случае согласия написать его портрет.

Вот что пишет сам Репин в письме, датированном 23 октября 1893 года:

«...Прежде всего к нему, к Матейке. «Что-то увижу я теперь?» — думал я, поспешая в одиннадцать часов на улицу.

Как живописен Краков! Сколько тут превосходной готики перед моими глазами...

Но что это там вверху, над куполом какого-то грандиозного здания? Что за страшное, черное, колоссальное знамя из флера? Как оно величаво волнуется на сером безотрадном небе!.. Жутко даже; я отвернулся к великолепному старому готическому собору и пошел к нему. У дверей его еще издали мне бросилась в глаза огромная траурная афиша с черным крестом... Я глазам не верил — ясно можно было прочитать: «Jan Mateyko». Он умер вчера, в три часа пополудни».

Репин был потрясен случившимся. На другое утро он спешит к гробу Матейко.

«Сегодня в десять часов я был уже на Флорианской улице. У подъезда, где жил Матейко, стоял и колыхался народ под огромным черным флагом. В узкую дверь в порядке входили и выходили посетители. Жандарм, молодой красивый поляк, посреди двери упорядочивал публику и не пускал нищих, бродяг и плохо одетых. Вся темная лестница, до седьмого этажа, декорирована черным газом, растениями и свечами...

Рано сгорел этот великий энтузиаст, горячий патриот. Подвиг его на прославление своей родины — беспримерный по своей колоссальности. Для создания этого великого цикла польской эпопеи нужны были гигантские силы и преданная душа. Да, в этом небольшом теле жила, действительно, героическая душа...»

И в эти же дни, вспоминая о прекрасных картинах Матейко, Репин иронически противопоставляет им произведения псевдоноваторов, выставляющих свои произведения на новых выставках в Варшаве... «Символизм, аллегория, искание самой невероятной и невозможной оригинальности... исключает уже всякую реальность, всякую штудию. Чем наивнее, чем непосредственнее выражено какое-нибудь еще небывалое на нашей планете ощущение, тем интереснее произведение... Впрочем, знание и у символистов не обязательно. Обязательно только знание символической кабалистики да мистическое настроение: художник — жрец, искусство — храм его, картина — иероглиф...»

О ГЛОБАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ, МУЛЯЖАХ И ПРОЧЕМ

Как современны сегодня эти скорбные наблюдения Репина, когда на Западе еще не изжила себя скверна абстрактного искусства, попарта и прочих и прочих измов! И дело ведь не в том, что на Западе (бог с ними!) эта «живопись» исключает «всякую реальность, всякую штудию» (пусть они ходят на голове), дело даже не в том, что апологеты формалистов отрицают «всякое знание формы» (реалистической.— **А. Л.**). А дело в том, что у нас в России находятся мудрецы, которые преподносят эти уже давно набившие оскомину, давно уже ставшие древними новости как дорогу вперед. Изменилась только искусствоведческая терминология, вместо картины-иероглифа теперь вы можете прочесть более усложненные понятия, как «глобальное духовное сокровище» или «великую и зрелую художественную модель в философском масштабе».

Но ведь что-то стоит за этими перлами художественной мысли, кроме расплывчатых и смутных представлений об искусстве?

Мы можем прочесть это и в статье И. Купцова, появившейся в журнале «Юность» за № 6 под многозначительным заголовком «Зритель, живопись, художник». Нет нужды разбираться в сложных приемах автора, привлекающего для оценки художественных произведений своих знакомых и малознакомых и уходящего таким образом от собственных оценок произведений художников русской реалистической школы — Репина, Шишкина, Айвазовского. Дело не в приеме, а в том, что, по существу, автор, как бы он ни маскировал эту мысль, стремится доказать, что-де живопись, настоящая, реалистическая, полнокровная станковая живопись сейчас, в 60-х годах XX века, себя изжила, она-де, мол, всего лишь «муляжное подобие».

И если современные живописцы, продолжая традиции Рембрандта, портреты которого материальны до иллюзии, и Ренуара, достигшего в своих полотнах вершин валерной цветописи, пытаются восстановить традиции станковой живописи, растерянные в буревых двадцатых и прочих годах, то им преподносится следующий рецепт: «Мы от каждого вида искусства требуем присущего именно ему. Но жизнь развивается, а вместе с ней — и границы этих видов. Вот почему, к примеру, начиная с середины XIX века многие живописцы стремятся не увлекать зрителя теми эффектами, которые лучше и техничнее достигаются в фотографии. Некоторые художники и философы считают даже, что нынешняя пресса, наука и фотография в столь достаточной мере снабжают современника информацией о действительности, что роль живописи сводится к эксперименту, к возбуждению в человеке фантазии, творческого духа».

Читай снова письмо Репина: значит, не нужны ни школа, ни художественная реалистическая форма, ни «штудия», ни труд до пота и крови, а главное в произведении «умозрительная идея... символическая кабалистика... художник — жрец... картина — иероглиф».

К сожалению, И. Купцов не предлагает вниманию читателя ни одного позитивного примера из современной советской живописи, подходящего под мерку «великой и зрелой художественной модели в философском масштабе». Очевидно, за пятьдесят лет в наших галереях и выставочных залах ничего подобного не появлялось (возможно, к счастью для зрителей). Хотя автор многозначительно намекает, что «огромное количество произведений отбывает свой срок в запасниках и хранилищах» или в другом месте, он сетует: «...прекрасной живописи нам не занимать. Только знаем мы ее мало, на выставках не часто показываем, плохо пропагандируем». Но ведь, помилуйте, кому, как не ему, Ивану Купцову, рассказать в своей статье о двух-трех образцах произведений, отвечающих понятию «глобального духовного сокровища» или хотя бы «художественной модели»!

Печально только то, что критик И. Купцов, бывший руководитель народного университета искусства при Центральном выставочном зале в Манеже, оказался в плену весьма старомодных модернистских теорий.

МАРИНЕТТИ, БИЕННАЛЕ-34 И «БЕЗЛИЧНЫЕ ВЕЛИКАНЫ»

За свой век я не раз читал и слушал высказывания, что станковая картина в наш XX век не нужна, что реалистическая живопись не может соревноваться с фотографией, кино, телевидением и т. д.

Еще в двадцатые годы я читал в журналах, что «восхищаться старой картиной это означает изливать нашу чувствительность в погребальную урну». И, однако, посетив родину автора этих диких слов (а это итальянец Маринетти), я увидел, как тысячи и тысячи людей любовались шедеврами Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Веронезе и других великих мастеров живописи, видел, как днем, ночью тысячи и тысячи людей простаивали в немом восхищении у руин Колизея и Форума...

С не меньшим чувством удовлетворения наблюдал я и шикарные, но... пустые залы с модернистской живописью и скульптурой. Я глубоко убежден, что этот виденный мною в Италии процесс нельзя остановить.

Не пройдет и десятка лет, как истосковавшееся по истинной станковой живописи человечество выбросит как мусор сотни тысяч опусов всевозможных «артов» и вновь восславит вечную красоту, заключенную в бессмертных полотнах Рафаэля, Рембрандта, Мане, Ренуара, Репина, Матейки...

Должен признаться, что на этом я заканчивал свою статью, но две публикации, появившиеся в печати за последнюю неделю, заставили меня продолжить разговор.

Публикация первая. Газета «Известия» за 28 июня с. г. под рубрикой «Искусство за рубежом». Корреспондент Л. Замойский прислал из Италии заметку «Монументальная ирония» о венецианской 34-й международной выставке искусств — Биеннале. Привожу два абзаца из этой статьи:

«Трудно припомнить более бедную идеями и картинами Биеннале,— пишет «Мессаджеро»,— похоже, что выставка пришла к полному провалу и закату». «Устроители слепо верили своей любви к абстрактному искусству, не заметив, что этот сезон уже миновал»,— отмечает «Коррьере делла сера». «Речь идет об упрямой попытке вновь поднять на щит абстрактную живопись, в то время как все хотят иного, даже коммерсанты, магазины которых переполнены абстракцией»,— добавляет «Стампа». В качестве иллюстрации туринская газета публикует фотографию американского павильона. Здесь выставлены каменные глыбы, которые могли бы стать идеальным местом для тренировки скалолазов. Критики «Стампы» высмеивают всевозможные «монументальные иронии», «маниакальные геометрии», «чудеса, оторвавшиеся от будущего», которыми оснащены залы Биеннале. Касаясь работ скульптора-абстракциониста Паскали, который из мохнатых тканей соорудил как бы гигантские шляпы и кресла, газета замечает, что эти шедевры могут быть интересны «для набивщиков матрацев, но отнюдь не для любителей искусства».

Основные претензии в печати адресованы итальянскому разделу выставки. Пройдя по павильонам, где все «пыльно, бескровно, лишено свежести», один из критиков не без ехидства задал вопрос: стоило ли звать полицейских для охраны подобных сокровищ? «Искусство и культура не очень бы пострадали, если бы эта выставка и вовсе не открылась»,— заключил он».

Как говорится, комментарии излишни...

Публикация вторая. Журнал «Америка» № 141, июль 1968 года, статья «Новой скульптуре тесно в музеях».

Эта статья является прекрасным дополнением к публикации «Известий», ибо неназванный автор разъясняет нам принцип создания скульптур, часть которых или подобные им выставлены на Биеннале-34 в Венеции.

«Во всем сразу чувствуется, что творцы безличных великанов отрицают условности искусства, пренебрегают веками слагавшимися традициями и не считаются с техникой ваяния. Новые монолиты нефункциональны, безлики, суровы и — по мнению многих — скучны. Изменилась и роль скульптора: чаще всего он только набрасывает эскизы, а остальное поручает выполнить рабочим на фабрике или в мастерской. Скульпторы этого направления и не пытаются вложить «содержание» в свои работы: простыми геометрическими формами и необработанной поверхностью они стремятся создать объект, эстетическая ценность которого заключается лишь в том, что он существует. Правда, с таким толкованием не согласна Барбара Роз. «Нет ли скрытого смысла в бессмысленности этих объектов?» — спрашивает критик-искусствовед. Барбара Роз допускает, что, создавая нефункциональные и монументальные произведения, противоречащие самой сути искусства, скульптор тем подвергает сомнению основной вопрос о назначении искусства и его роли в утилитарном обществе». (Разрядка везде моя.— **А. Л.**)

Поистине недалеко ушли современные американские искусствоведы от Маринетти! Как говорится в России: «Тех же щей, да пожиже влей».

Но дело ведь не в этом. «Безличные великаны» или «глобальные модели», как бы ни рядили досужие искусствоведы формалистические изыски в интеллектуалистические ризы, как бы ни искали коммуникабельности и совместимости «артов» с любовью народа, с признанием широкого зрителя, ничего у них не выходило. И не выйдет!

Такова сила правды, реальности в искусстве и такова наша дорога в завтра.

Семья Маяковских. 1905 г.

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Маяковскій Владими

Карточка Московской охраны.

Карточка Московского охранного отделения. 1908 г.

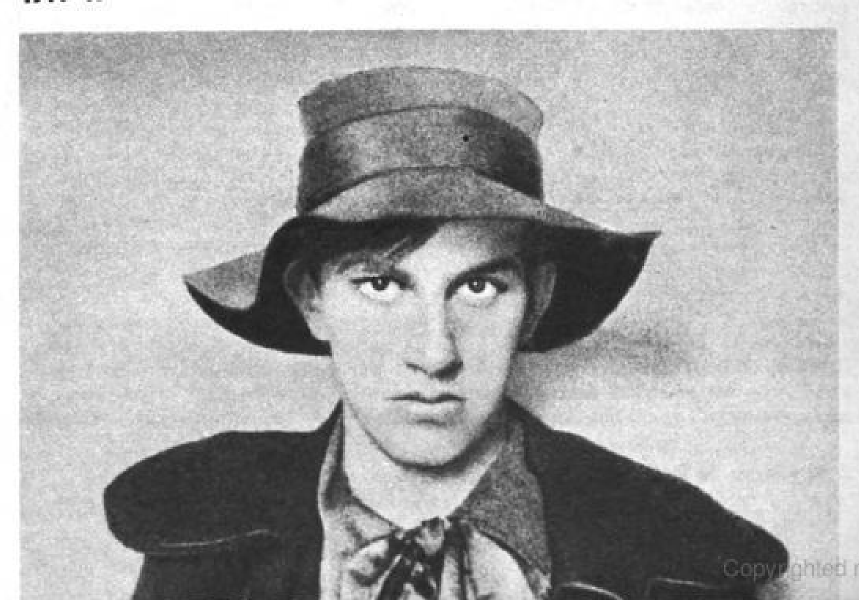
1913 г.

Ж из

Многочисленные фотографии сохранили нам мужественный образ Владимира Владимировича Маяковского. В них запечатлены годы замечательной жизни великого поэта. Фотодокументы свидетельствуют о пламенной натуре поэта, его верном служении делу революции, молодой Советской республике, о широком размахе его общественно-гражданской деятельности.

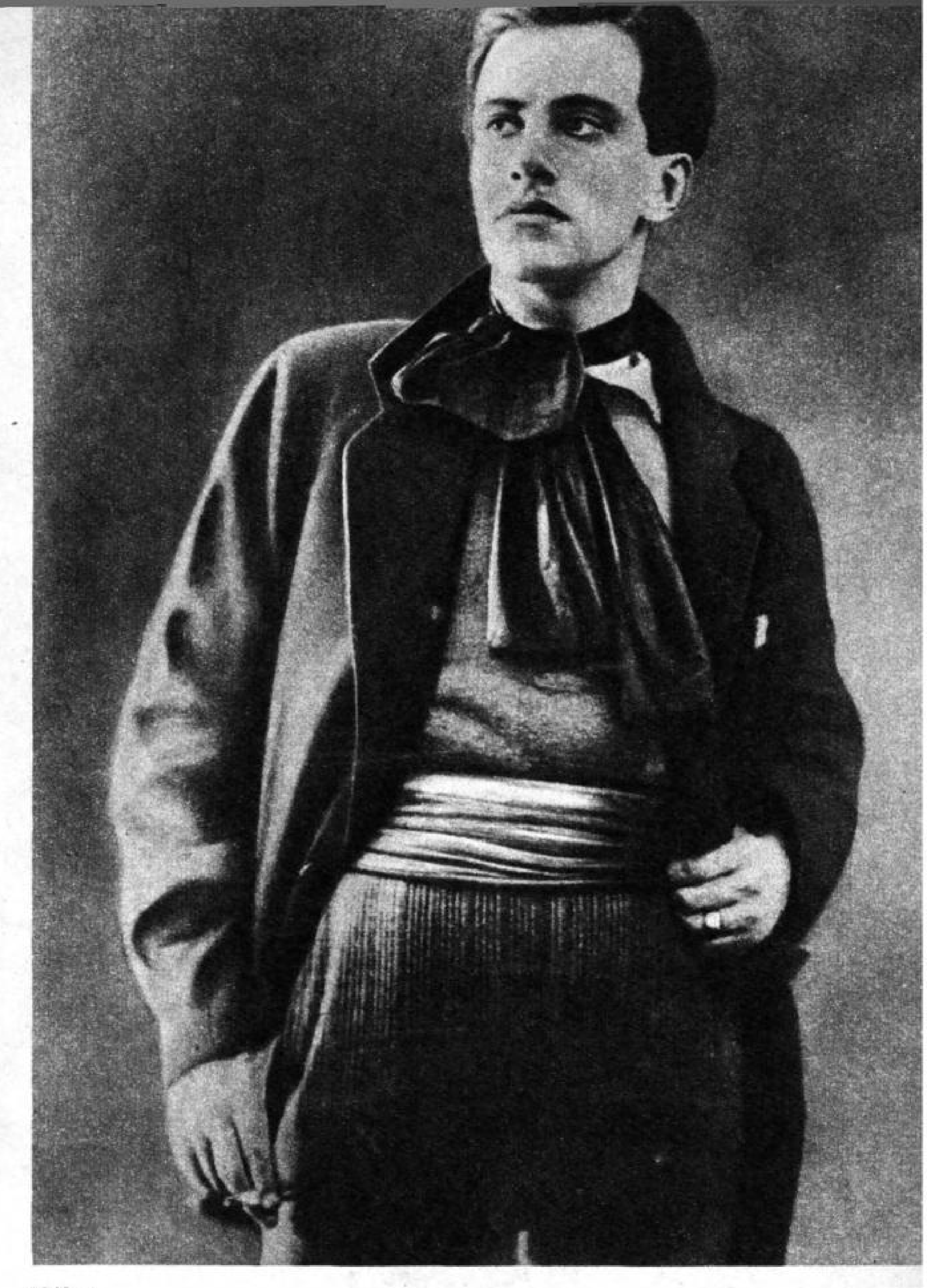
Маяковский смотрит на нас — человек огромного обаяния, поэтической страстности, гениальный певец нового, социалистического общества, и сейчас живущий с нами, идущий в первых рядах борцов за коммунизм.

1911 г.

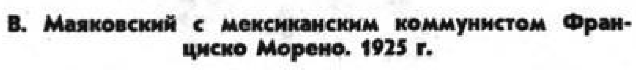

В. Маяковский, позирующий для плаката к кинофильму «Не для денег родившийся», 1918 г.

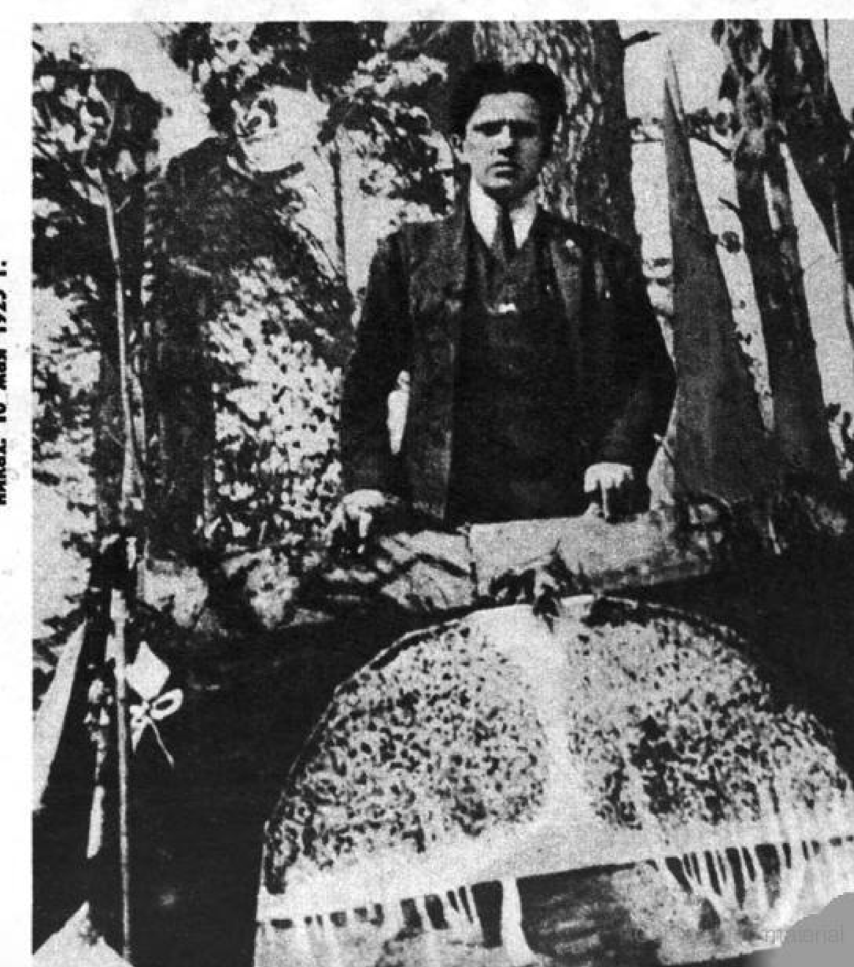
1918 г.

В. Маяковский с мексиканским коммунистом Франциско Морено. 1925 г.

Выступление В. Маяковского перед школьниками в Сокольниках. 10 мая 1925 г.

1925 г.

В. Маяковский читает по радио пьесу «Баня». 1929 г.

В. Маяковский читает поэму «Хорошо!» в Политехническом музее в октябре 1927 г.

1926 г.

Иван ИСАЕВ

БЕССМЕРТИЕ

Итак, все прошлое,
все бывшее?
Удар,
никем не предусмотренный,
и он,
как море отбурлившее,
лежал
в гробу,
вконец измотанный.
Он утопал в цветочном сахаре,
а те
вились, как осы, около.
Одни из них протяжно ахали,
другие же прилежно охали.
Послушать их —
друзья-приятели!
А дай им волю —
тем же вечером
они б
стихи его
упрятали,
как и его,
на Новодевичьем.
Да где им!
Жив он, неприкаянный.
Он, жизнью призванный и позванный,
поднялся в рост
на глыбе каменной
все тот же:
гордый,
грозный,
бронзовый.
Напрасно недруги стараются,
все годы
пальцем в небо
тычутся.
Поэт убит?
Поэт стреляется?
Поэты здравствуют и в тысячу!..

1925 г.

1926 г.

1925 г.

В. Маяковский на Красной площади. 1928 г.

РКП

ГОРНИСТ

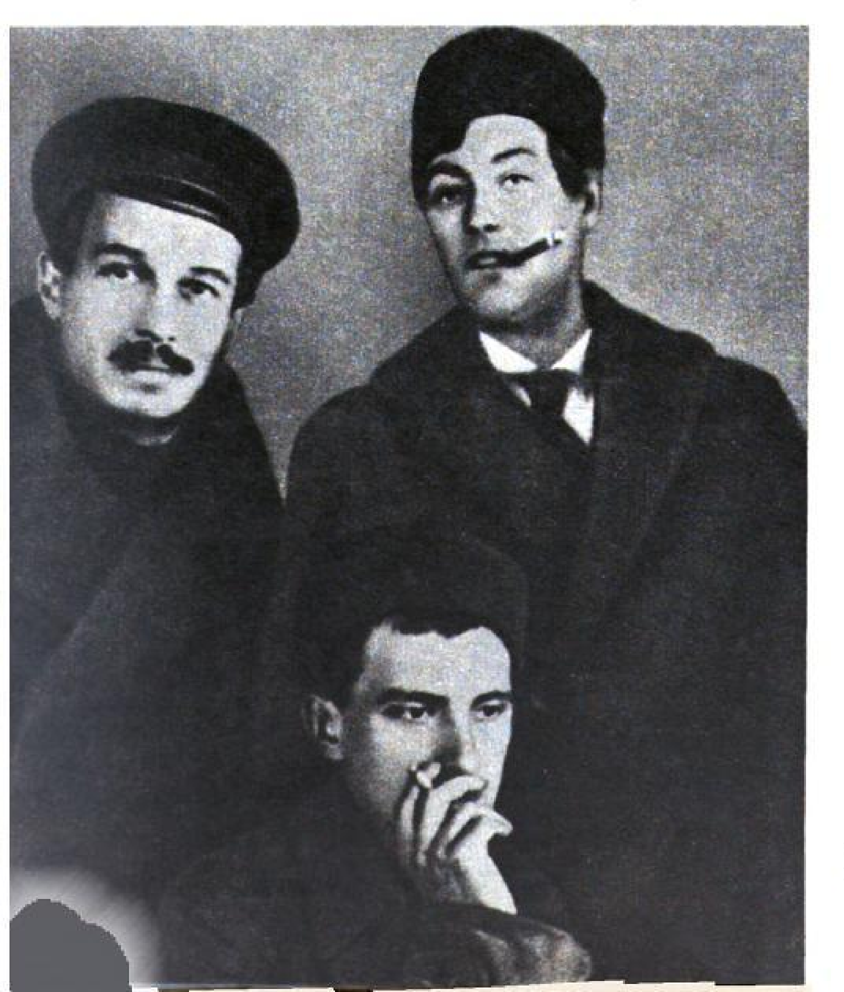
Окна сатиры РОСТА! Кто из людей старшего поколения не помнит их? Среди художников, создававших броские, хлесткие плакаты, разившие врага с силой штыкового удара, был и Владимир Маяковский. Его перо служило стиху, его карандаш — плакату. Он и рисовал и делал зубастые, злые подписи. У него была тяжелая, уверенная в своей силе рука. В поэте жил художник, в художнике жил поэт. Это было слитно, неотделимо.

Плакаты звали к борьбе, к труду, к победе. Люди всматривались в плакаты и слышали звуки боевого горна.

Незадолго до смерти Владимир Маяковский, вспоминая об Окнах сатиры РОСТА, писал: «Через годы—над этими окнами будут корпеть ученые, охраняя от времени скверненькую бумагу. Охранять эти окна надо и надо. Так как — это — красочная история трех боевейших годов Союза — так как— это предки всех советских сатирических журналов».

Окна РОСТА были передовой батареей, обстреливавшей врага. В ней Маяковский был и наводчиком и бомбардиром.

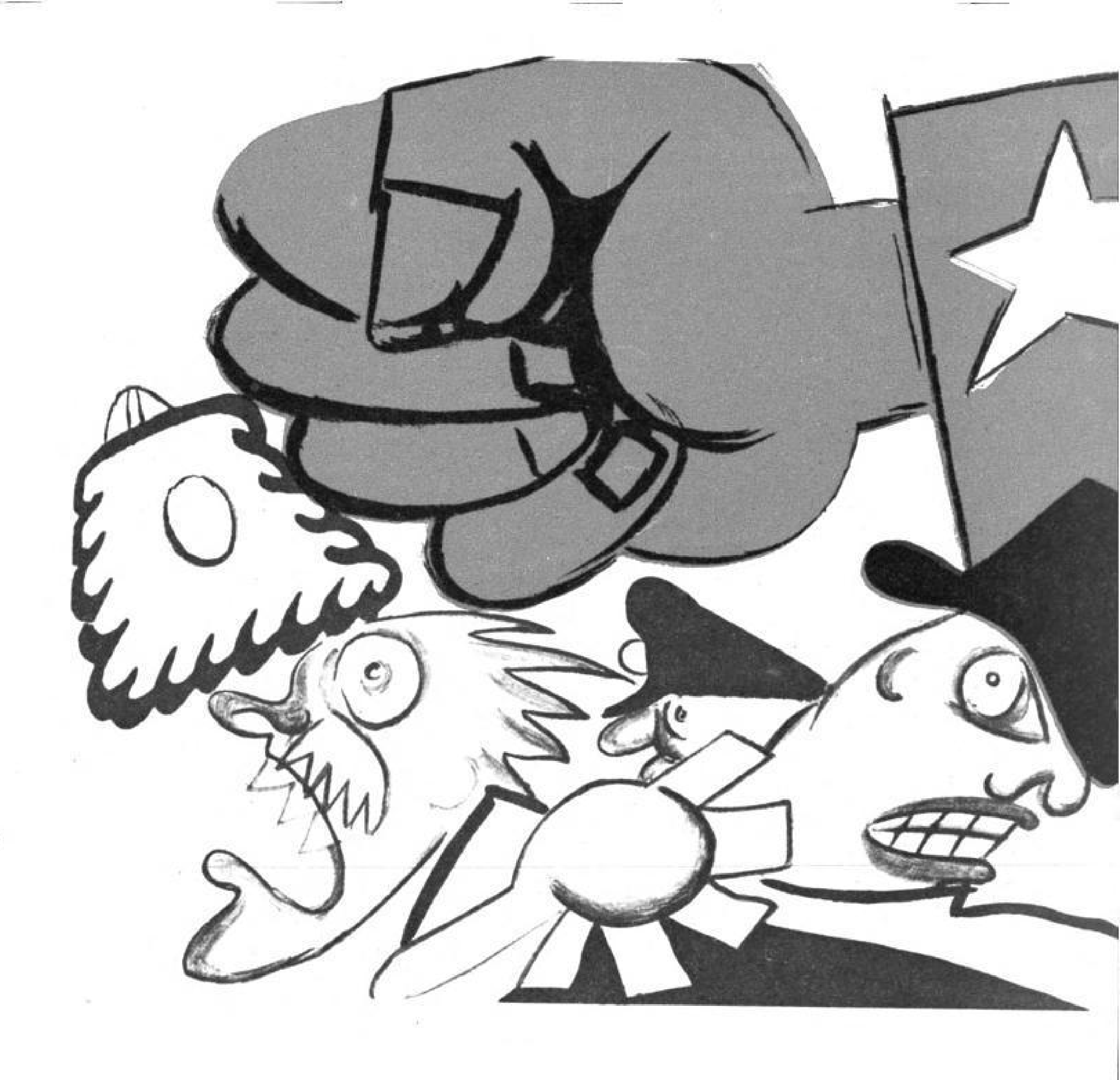
Н. КРУЖКОВ

В. Маяковский, художники И. Малютин, М. Черемных.

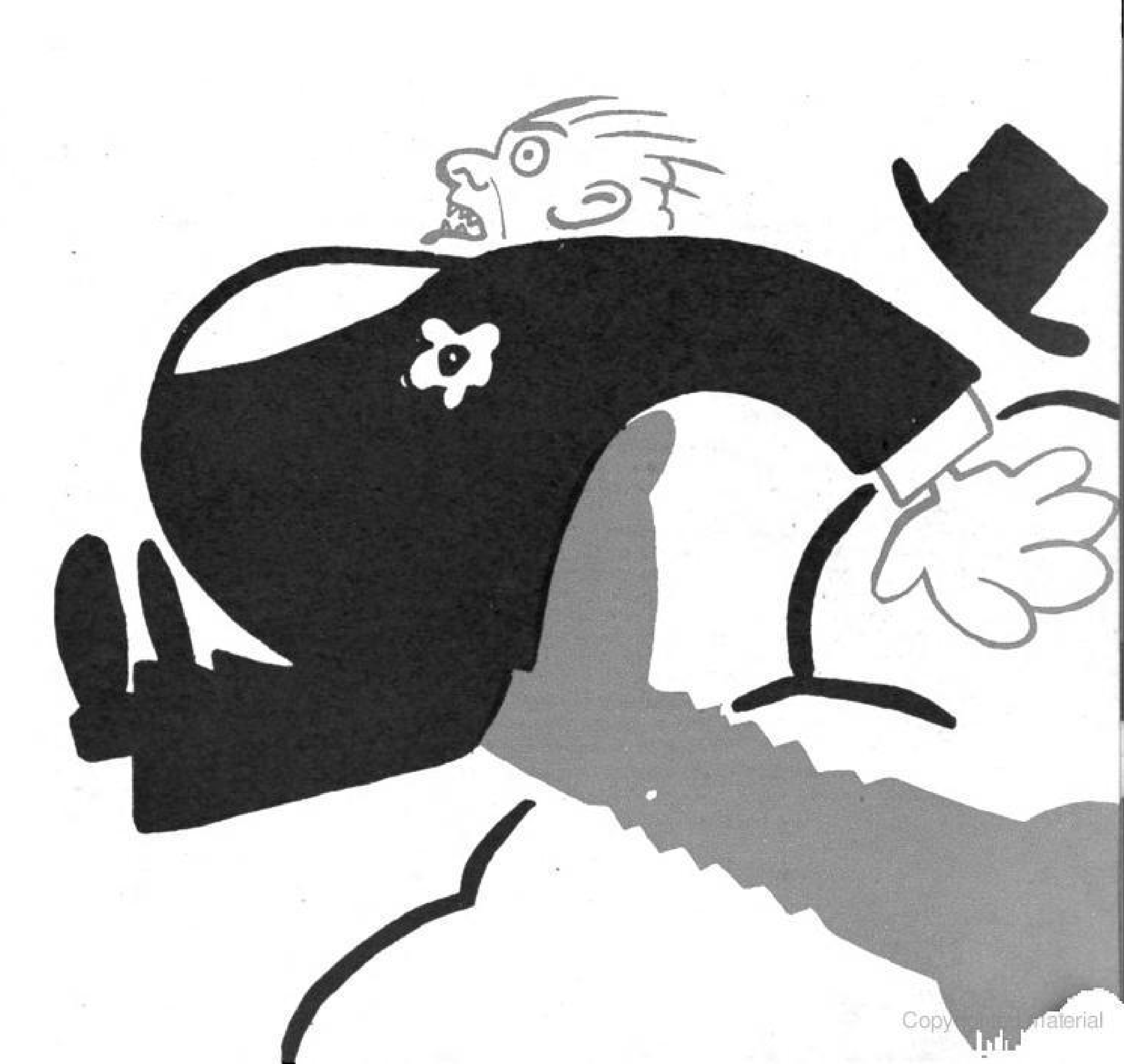
Фото 1920 г.

ПАРТИИ

ВРЕМЯ МАЯКОВСКОГО

На кипучей, шумной московской площади стоит памятник Владимиру Маяковскому. Памятник не академический, нет в нем присущей некоторым скульптурным произведениям меланхолической грусти. Скульптор Александр Кибальников изобразил поэта словно бы продолжающим шагать по московским площадям и улицам уверенной походкой хозяина жизни. В ясные дни, на рассвете или когда за крыши домов опускается солнце, памятник озарен живым розовато-золотистым светом, и кажется, Маяковский взгромоздился на камень, чтобы могучим голосом провозгласить:

И жизнь
хороша,
и жить
хорошо.

По правую руку от Маяковского в театре идут его пьесы. По левую — в дни революционных праздников на фасаде здания появляются слова:

Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем — Ленин.

Жизнь продолжается. Маяковский живет. Живет каждой строчкой своих стихов, независимо от того, что наворотили при его жизни и после трагической гибели некоторые литературные критики и литературоведы.

Маяковский живет, потому что годы Советской власти — и те, что уже прошли в трудах и борениях, и те, что идут сейчас,— время Маяковского.

Е. Т. Кабаченко из Ставрополя на Кавказе в письме в редакцию «Огонька» пишет:

«Мы, читатели, чья юность наступила в ту пору, когда поэзия Владимира Маяковского шествовала по нашей стране, сам поэт выступал перед читателями и рабочими в различных городах: Харьков, Краснодар, Пятигорск...

В годы Великой Отечественной войны стихи Владимира Маяковского сопутствовали нам в битве за Кавказ, в боях на Висле и у стен Берлина. Я писал об этом в газете «За Советскую Родину», в которой нес в годы войны службу. Но это дела теперь уже давно минувших лет. Мне сейчас очень трудно выразить все, что я думаю о судьбе Владимира Маяковского. Но кратко скажу, что те же «силы», которые укоротили годы жизни поэта, кое-где и сейчас еще отравляют хорошее творческое настроение порядочным людям...

Каждому из мало-мальски осведомленных людей, любящих советскую литературу, известно, что у поэта Владимира Маяковского был подвиг, была трагедия, была, есть и будет Слава поэта».

Всегда помнятся словно на камне выбитые слова поэта:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою,—
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Наплевать! Но памятник творцу этих строк высится в центре Москвы, вне зависимости от иронического отношения поэта к такому роду увековечивания его жизни. Главное, что Маяковскому и многим похожим на него людям других, часто более прозаических, профессий, отдавшим жизнь за Родину, вечным памятником является построенный в боях социализм. Надо было быть ленинцем, провидцем и великим оптимистом, чтобы во вступлении к оставшейся ненаписанной поэме «Во весь голос» так необыкновенно просто и точно провозгласить видимый поэтом построенный в боях социализм. Но поэма осталась. Поэмой является сама жизнь Владимира Маяковского, прожитая **во весь голос**.

У Маяковского на первый взгляд было мало друзей... Но это только кажется, только на первый взгляд. На самом деле у поэта были тысячи тысяч друзей. Для них он жил, для них писал, к ним обращался стихами и прозой. К ним, прорвав громаду лет, пришла поэзия Маяковского, пришла к тем, кто теперь может только читать Маяковского и что-либо написанное о Маяковском.

Немало за последние годы в литературе нанесено всяческих модных поэтических поветрий, вольно или невольно пытавшихся отодвинуть прямую и честную поэзию Маяковского на задний план, изобразить Маяковского и его поэзию отжившими. Те, о которых поэт обобщенно говорил как о желающих «отдохнуть у этой речки», не вывелись со смертью Маяковского. Скорей наоборот. Количество их с годами приумножилось, и временами они становились до невозможности надоедливыми. Этому в большой степени способствовали и различные воспоминания, представляющие в кривом зеркале жизнь Маяковского. Но советские читатели умеют читать и видеть, а главное, отличать правду от неправды. Думается, абсолютно прав москвич инженер-экономист Р. Б. Гуськов, в своем письме в редакцию «Огонька» написавший следующее:

«Хорошо, что накануне 75-летия со дня рождения великого поэта нашей страны начат принципиальный партийный разговор о самом сложном и трагическом периоде в жизни В. Маяковского. Хотелось бы, чтобы этот разговор был продолжен, так как во многом неясны мотивы, приведшие к трагической развязке 14 апреля 1930 года.

Как, например, понять брошенную в мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» фразу о том, что жизнь Маяковского «разбилась о поэзию»?

А журнал «Новый мир» (№ 1 за 1967 г.) опубликовал воспоминания Б. Пастернака «Люди и положения», в которых личность великого поэта революции представлена в явно искаженном свете. Пастернак пишет: «Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого, что он осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие».

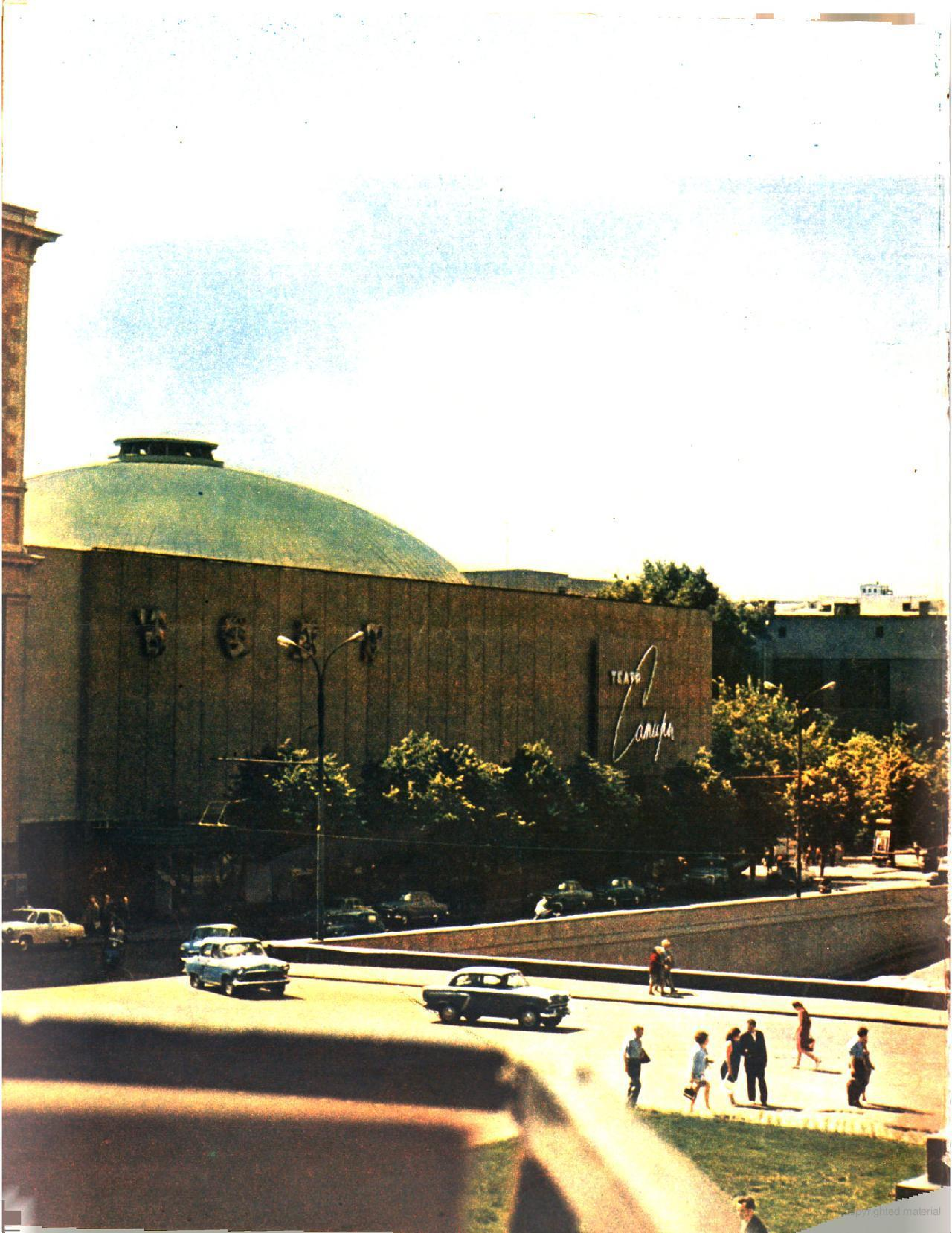
Вообще страницы воспоминаний Пастернака, посвященные В. Маяковскому, нельзя читать без чувства глубокого возмущения, несмотря на весь их субъективизм.

А. Дейнека. В. МАЯКОВСКИЙ В РОСТА.

На развороте вкладки: МОСКВА. ПАМЯТНИК В. МАЯКОВСКОМУ РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА А. КИБАЛЬНИКОВА.

Фото И. Тункеля.

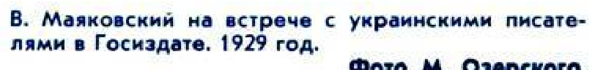

ТЕАТР

В. Маяковский. ФРАГМЕНТЫ ОКОН РОСТА.

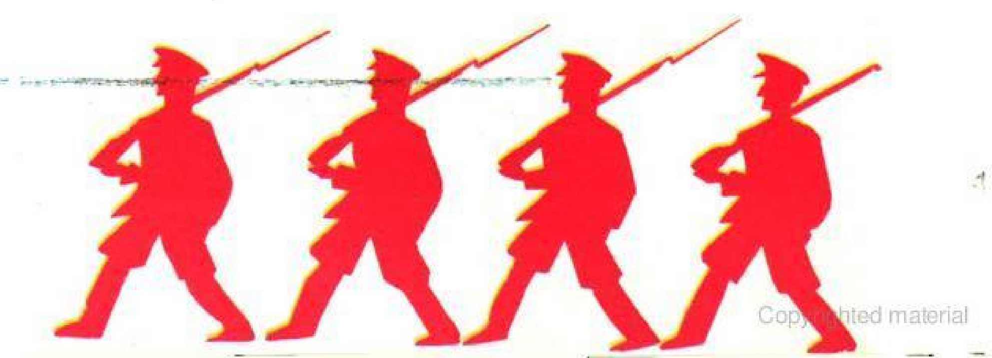

В. Маяковский на встрече с украинскими писателями в Госиздате. 1929 год.
Фото М. Озерского.

И самое обидное, что эти воспоминания, напечатанные в одном из наших ведущих литературных журналов, остались без внимания советской критики».

Да, действительно записки Б. Пастернака остались в печати словно бы незамеченными. Видимо, объяснить это можно только тем, что самого автора столь субъективистских записок ко времени их опубликования уже не было в живых. Но следовало ли публиковать их, заведомо зная, насколько они ошибочны и порой, как ни грустно об этом писать, злобны? Возможно, сам Б. Пастернак воздержался бы от их публикации, перечитав их и разобравшись в том, что они компрометируют не столько Маяковского, сколько самого Пастернака? Во всяком случае, нам не известны попытки Б. Пастернака публикации записок о Маяковском при своей жизни.

Но правда живуча. Правда может какое-то время находиться под спудом, а все же потом прорвется.

Такой правдой является сама жизнь и поэзия Маяковского. Публикация в «Огоньке» статей «Любовь поэта» и «Трагедия поэта» вызвала большой приток писем, свидетельствующих о том, что Маяковский дорог для всех поколений советских читателей. Нет никакой возможности приводить все письма читателей, отозвавшихся на публикации, проливше новый свет на жизнь и творчество Владимира Маяковского, но и не привести хотя бы некоторые из них мне представляется тоже невозможным.

А. А. Козлов из Челябинска пишет:

«Я, абитуриент, прожил 21 год и только лет пять назад открыл для себя Маяковского. Не понимаю, как мог раньше не понимать и не любить его, не восхищаться этим железным поэтом и гражданином. Но до сих пор я даже не подозревал и не догадывался, сколько было врагов у моего любимейшего поэта, сколько самоотверженной убежденности и воли нужно было ему, преданнейшему народу и революции поэту, чтобы служить своему же народу. И тем сильнее мой гнев и возмущение против тех, кто, может быть, и послужил причиной настоящей гибели Маяковского, а потом лицемерно выискивал удобную версию его смерти. Теперь эта «бездарнейшая погань» не смеет и голоса подать против него: всенародная любовь и признание В. В. Маяковского навсегда заставили замолчать их голоса в советской литературе... Имя Владимира Владимировича Маяковского навсегда останется в памяти нашего народа как величайшего поэта советского времени, как выразителя идей своего времени. Его имя стоит рядом с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Смело беру на себя ответственность говорить от имени десятков миллионов его почитателей, немногие из них напишут вам, но, прочитав это письмо, они горячо выразят свое одобрение. И, глядя на этот многомиллионный фронт, пусть почувствуют свое ничтожество те из его хулителей, которые еще живы».

А вот что пишет из Одессы моряк Василий Кузьмич Бирюков:

«Маяковский — любимый наш поэт, и мы будем бороться за цели Маяковского, за мир, за коммунизм, как В. В. Маяковский.
В. В. Маяковский — любимый поэт советских людей, он любимый поэт моряков. Он для нас пример, как нужно жить и бороться за победу идей великого В. И. Ленина, за коммунизм».

Любимый поэт моряков... Такой узкой специализации, пожалуй, еще не было в истории поэзии. Но главное в том, что многие, очень многие люди, представляющие очень разные профессии, видят в Маяковском **своего** поэта.

Офицер В. Колесник из Мурманской области пишет:

«Знаю, что как поэт Маяковский жив и будет жить, с каждым днем находя все больше поклонников своего могучего, революционного таланта».

Именно **революционного** — этим и дорог Владимир Маяковский нашему народу.

А был ли дорог и известен Маяковский **нашей молодежи**, той молодежи, которая входила в жизнь в горячую пору первых, а еще точней, первой пятилетки?

Честно говоря, мы не знали тогда о всех сложностях литературно-политической борьбы, бушевавшей в середине и конце двадцатых годов. Очень многие из нас в ту пору проходили свои университеты на строительстве новых заводов в Сталинграде и Ростове-на-Дону, на Урале и в Донбассе... К нам поэзия Маяковского приходила в чистом виде, не загрязненная мутными пятнами антимаяковских критических выступлений. Но кое-что и у нас осталось в памяти. Помню, осенью 1927 года Маяковский приехал в Ростов-на-Дону. В ту пору я еще учился в седьмом классе, но стихи Маяковского знал, любил и читал на школьных вечерах. Мне посчастливилось, я купил билет на вечер Маяковского. Поэт выступал в Доме Красной Армии. Я сидел совсем близко. Помню, как Маяковский вышел на сцену, снял пиджак, повесил его на стул. Сказал: «Извините! Я буду работать. Так мне удобней».

Отошел от столика с книжкой стихов в руке к рампе и остановился, внимательно оглядывая зал. Стоял высокий, красивый, в полосатом джемпере. Потом начал читать поэму «Хорошо!». Чтение поэмы часто прерывалось аплодисментами. Закончив чтение, Маяковский сказал: «А теперь я буду отвечать на записки». Отвечая, он разговаривал словно бы с каждым сидящим в зале. Одна записка была оскорбительной. Он зачитал ее и спросил:

— Кто писал? Может, у этого человека найдется мужество выйти на сцену и объяснить более подробно, что он хотел сказать?

И тогда из зала на сцену выскочил маленький человечек в очках.

— Я... я писал.

— Пожалуйста, я готов объясниться.

Человечек сбивчиво затараторил:

— Вы... вы Маяковский... Вы не поэт... Ваши стихи умрут раньше вас... Это не стихи. Вас забудут... Вы...

Маяковский молча смотрел на человечка, смотрел спокойно, словно со второго этажа на мусорную улицу, потом спросил:

— Все?

— Все... Все...— сказал, задыхаясь, человечек.— Ваши стихи никто не понимает,— и направился в зал.

— Стойте! — повелительно сказал Маяковский.— Стойте!

Человечек остановился. Маяковский грозно зарокотал:

— Я не знаю, когда умрут мои стихи... Но знаю другое: вы не умрете... Вас при жизни обольют металлом, и вы будете сами себе памятником. Памятником наглости и пошлости... Над вами будут летать, каркая, вороны и делать то, что делают иногда в полете птицы... И все это будет валиться на вашу голову, на всю вашу фигуру!

Зал разразился хохотом и овациями. Человечек сбежал со сцены и, провожаемый смехом, понесся к выходу... За ним следом поднялась девушка. Маяковский обождал, пока девушка вышла из зала.

— Здесь этот человек сказал, что мои стихи никто не понимает.

— Понимают! Понимают! — послышались возгласы.— Отлично понимают!

— Давайте проголосуем,— сказал Маяковский.— Кто понимает стихи Маяковского, поднимите руки.

В зале поднялись сотни рук.

— Так... Теперь — кто не понимает?

В зале поднялось несколько рук.

Маяковский начал считать, «непонимающих» оказалось пять-шесть.

— Маловато,— серьезно проговорил Маяковский.— Ну, ничего, со временем и вы поймете.

В это время открылась дверь и в зал вернулась спутница человечка в очках.

Маяковский зааплодировал и сказал:

— Правильно сделали, что вернулись.

— У меня был один номерок на вешалку с тем товарищем... Один номерок...

— Надо выбирать достойных товарищей, когда идешь на литературный вечер,— уже добродушно проговорил Маяковский.— А теперь, поскольку мы выяснили, что большинство собравшихся понимает стихи Маяковского, давайте слушать стихи.

Маяковский продолжал чтение...

Через два года на строительстве завода «Ростсельмаш», где я в ту пору работал слесарем, была создана литературная группа. Наверно, мы не очень хорошо тогда разбирались в тонкостях поэзии. Писали о том, чем жили. Это было горячее время. Мы строили завод. Бывало и так, что работали по две смены, да еще и без выходных дней. Да, конечно, в ту пору мы не очень разбирались во всех тонкостях поэзии... Но одного советского поэта именно в ту пору знали отлично — это был Владимир Маяковский. И, конечно же, мы старались подражать ему. Сочиняли поэтические лозунги и плакаты. Заводские художники рисовали эти плакаты, развешивали их в проходной завода, в цехах, над станками — всюду, где только было возможно. Нам хотелось работать так, как работал Маяковский.

...И вдруг 14 апреля 1930 года на «Ростсельмаш» докатилась страшная весть о гибели Маяковского. Маяковский застрелился?! В это действительно невозможно было поверить. Все, что делал Маяковский, вся его звонкая сила поэта безраздельно была отдана атакующему классу. Для нас это были черные дни. В стройке боевой, кипучей мы не знали, что сопутствовало жизни поэта. Мы знали тогда только его стихи. Перед нами стоял образ поэта — агитатора, горлана-главаря. Да, собственно, этот образ остался и поныне. Уже много позже, слушая в Москве на различных вечерах выступления тех, кто знал Маяковского близко, кому выпала возможность личного общения с поэтом, слушая эти воспоминания, порой очень хлесткие, остроумные, пересказывавшие в общем-то ответы Маяковского на литературных вечерах, я не раз вспоминал вечер в ростовском Доме Красной Армии и, казалось, на первый взгляд незначительный эпизод с человечком, пытавшимся оскорбить поэта. И когда вспоминал, то было уже не смешно, а грустно, ибо смешного в этом было мало — отбиваться от окололитературных хулиганов, без удержу топтавших честное сердце поэта. Нет, это не были рабочие, не были студенты и рабфаковцы, не были те, кто в ту пору жадно осваивал культуру и литературу. Те, кто бросался на Маяковского и его поэзию, отлично понимали поэзию Маяковского. Но их не устраивала не форма, а содержание поэзии Маяковского. Дело было в **идейной направленности** поэзии Маяковского. Как подтвердило и дальнейшее развитие литературно-политической борьбы, в каждом случае, когда содержание произведения не устраивало вполне разби-

равшихся в форме и в содержании «ценителей» литературы, они выступали не против содержания, понимая, что это не будет поддержано, а против формы, что более удобно и, с их точки зрения, более целесообразно, ибо дает большой простор для литературно-критического крючкотворства. Примеров этому бесконечное количество: и более ранних, и более близких, и совсем недавних.

Вокруг открыто тенденциозной поэзии Маяковского шла борьба, завуалированная фарисейски-соболезнующими вздохами о «потере формы», и особенно наглядно было видно, куда шло направление главного удара по поэзии Маяковского. Удары наносились по таким не превзойденным и поныне вершинам, как поэмы «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин». Ведь известно, что некоторые поэты, формой стиха пытавшиеся следовать поэзии Маяковского, никогда не были подвергнуты столь сокрушительным критическим ударам, настигавшим Маяковского. Таких ударов не было только потому, что **содержание** поэзии этих других поэтов не поднималось до вершин **содержания** поэзии Маяковского.

Даже железобетон не выдерживает столь тяжелых ударов. Железобетон разрушается. А Маяковский был человек. А человеку и поэту мешали работать, так как удары шли по позициям, которые всю жизнь отстаивал Маяковский.

Поэтому так понятны думы и чувства многих читателей, которые и сейчас скорбят о поэте и человеке, считавшем себя заводом, вырабатывавшим счастье. В числе многих писем в редакцию об этом, может быть, наиболее выразительно написал геолог из Якутска И. И. Куклин:

«У нас написано и опубликовано много воспоминаний о поэте, но они повторяют друг друга вместо того, чтобы дополнять. Слишком много «близких друзей» развелось у поэта через 20—30 лет после его смерти.

Пора снять с поэта многопудовую бронзу, отодвинуть «гром» и «трибуна» — показать человека «из мяса всего», показать его нежную человеколюбивую душу.

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят,—
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Мы в долгу перед памятью поэта. Мы разделяли его на части: принимали одно и отбрасывали другое. Ему уже не больно — больно памяти о нем. Он хотел, чтобы его восприняли и поняли целиком. Он тяжело переживал, что его не всегда понимали при жизни. Он не хотел быть ни бронзовым, ни трибуном. Он хотел, чтобы в нем видели человека.

В том и заключается его трагедия, что очень чувствительна и легкоранима была душа, а многие этого не понимали, не хотели понимать.

В том и заключается его жизненная сила, гигантская сила, что он был человек, не со стальными, а обыкновенными человечьими нервами, не с железным, а по-детски доверчивым и мягким сердцем. Огромная воля давала ему силу, предельное напряжение мыслей и чувств возвышало его, поэтому он казался неуязвимым, поэтому он и не выдержал.

Кто видел всю глубину его души? Разве только мать, сестры, близкие друзья да еще немногие люди.

Маяковский требовал признания талантливых поэтов при их жизни, требовал просто человеческого внимания к ним, тепла. Забота о талантах усиливала нетерпимость к бездарностям. Принципиальность и прямота обходились дорого. Покоя не было. Сплошная борьба. Борьба за лучшую жизнь, борьба за любовь, борьба за справедливость... А в живую человеколюбивую душу часто летели плевки. «Уставал отбиваться и отгрызаться».

Таким я вижу Маяковского и хочу, чтобы многие его увидели, особенно молодежь. Увидели бы его красоту человеческую».

К сожалению, этого не понимали многие критики и те люди, кто неизвестно по какому праву пытался присвоить монопольное право на владение памятью и бесценным литературным наследством Владимира Маяковского.

Жизнь любого человека сложна. Человек не живет по заранее спланированной схеме. У одних жизнь бывает проще и ясней, у других пересекается многими, подчас трагическими событиями. Жизнь большого, великого поэта, его творчество не могут принадлежать отдельным людям или компании частных предпринимателей, снимающих долгие годы дивиденды от временной близости к поэту. Долгие годы неприятно было смотреть, как такая компания частных предпринимателей пыталась любыми способами закрепить свои «права» на творчество Маяковского, узурпировать каждую строчку, каждое стихотворение поэта, обратив это узурпирование в свою пользу, любую — моральную или материальную.

Маяковский был суров и бескомпромиссен со своими идейными противниками, где бы это ни было — на вечерах, дискуссиях, в статьях, стихах и пьесах, но Маяковский был добр и доверчив к людям. Он был бесконечно нежен к своей матери Александре Алексеевне, удивительно кристальному и скромному человеку, к сестрам Ольге и Людмиле. Но он был добр и к тем, кто, словно бы заботясь о нем, пытался отодвинуть его от жизни, связать цепким, нелегким бытом. Что же, он был человек, и ничто человеческое не было ему чуждым...

Можно только удивляться его мужеству, его поэтическому подвигу, совершаемому каждодневно, в обстановке, когда литературные шавки буквально висели на нем, терзая его в клочья. Но он был предан революции, предан делу Коммунистической партии, предан строительству социализма.

Время —
начинаю
про Ленина рассказ...—

писал Маяковский, поэтически открывая миру неповторимый образ Владимира Ильича Ленина.

В этой поэме первым словом было «время». Маяковский очень хорошо понимал и чувствовал **время**, время Советской власти. Он был в центре этого **времени**, он сжился с ним, чувствовал себя хозяином этого времени, потому что **это** было **время Маяковского.** Поэтому Маяковский и принадлежит советскому времени, он неотделим от него.

Поэтому Маяковский весь, все сто томов его партийных книжек принадлежат нашему народу, с которым он мерз и голодал, с которым привык смотреть на буржуев свысока.

С этого «высока», раз и навсегда определив свое место в жизни, он без каких-либо компромиссов мог воскликнуть: «Тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас».

Поэтому Маяковский принадлежит Коммунистической партии и своей Родине, которой отдал свой потрясающий по яркости и самобытности поэтический талант.

Поэтому Маяковский, его поэзия принадлежат мировому революционному движению, всем пяти материкам, где на множестве языков звучат его стихи.

Смешно сказать, в то время, когда некоторые критики объявляли Маяковского «непонятным», его стихи уже переводились и читались в десятках стран.

Маяковский хотел, чтоб к штыку приравняли перо. Его перо, его поэзия стала действенным оружием в борьбе за революционное преобразование мира.

Время Маяковского вечно, потому что он выражал самые передовые идеи нашего века, идеи революции, идеи коммунизма.

Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!

Наши! Да, для Маяковского те, кто умирал на штурмах старого мира, всегда были **наши.** Он и на это был готов — на смерть своих стихов. Но здесь поэт был уже не властен. Стихи Маяковского в строю, весь его строчечный фронт, каждое слово поэта.

Нет, Маяковский не был одинок! Может быть, он и не всегда знал об этом. И в годы жизни поэта миллионы людей знали, росли, учились советскому патриотизму на стихах поэта.

И сейчас, как свидетельствует жизнь, поэзия Маяковского близка и дорога поколениям последнего времени.

Поэзия Маяковского жила, живет и вечно будет жить, как живет и вечно будет жить имя великого поэта.

Только надо навсегда очистить память поэта от всего случайного, наносного, от недобросовестных попыток монополизировать наследие поэта. Это надо сделать всюду — и в первую очередь в изданиях поэта. В некоторых изданиях в многословных комментариях читатель иногда узнавал не столько о жизни самого поэта и его творчестве, сколько о частной жизни и зряшних пустяках из жизни других людей. Всяческие ракушки, прилипшие по океанскому ходу жизни поэта, должны навсегда отвалиться.

Нам представлялось бы целесообразным создание постоянно действующего комитета или комиссии по литературному наследию Владимира Маяковского, где были бы широко представлены не только литературоведы и литераторы, но и те, кому принадлежит поэзия Маяковского,— его многочисленные читатели из всех социальных групп нашего общества.

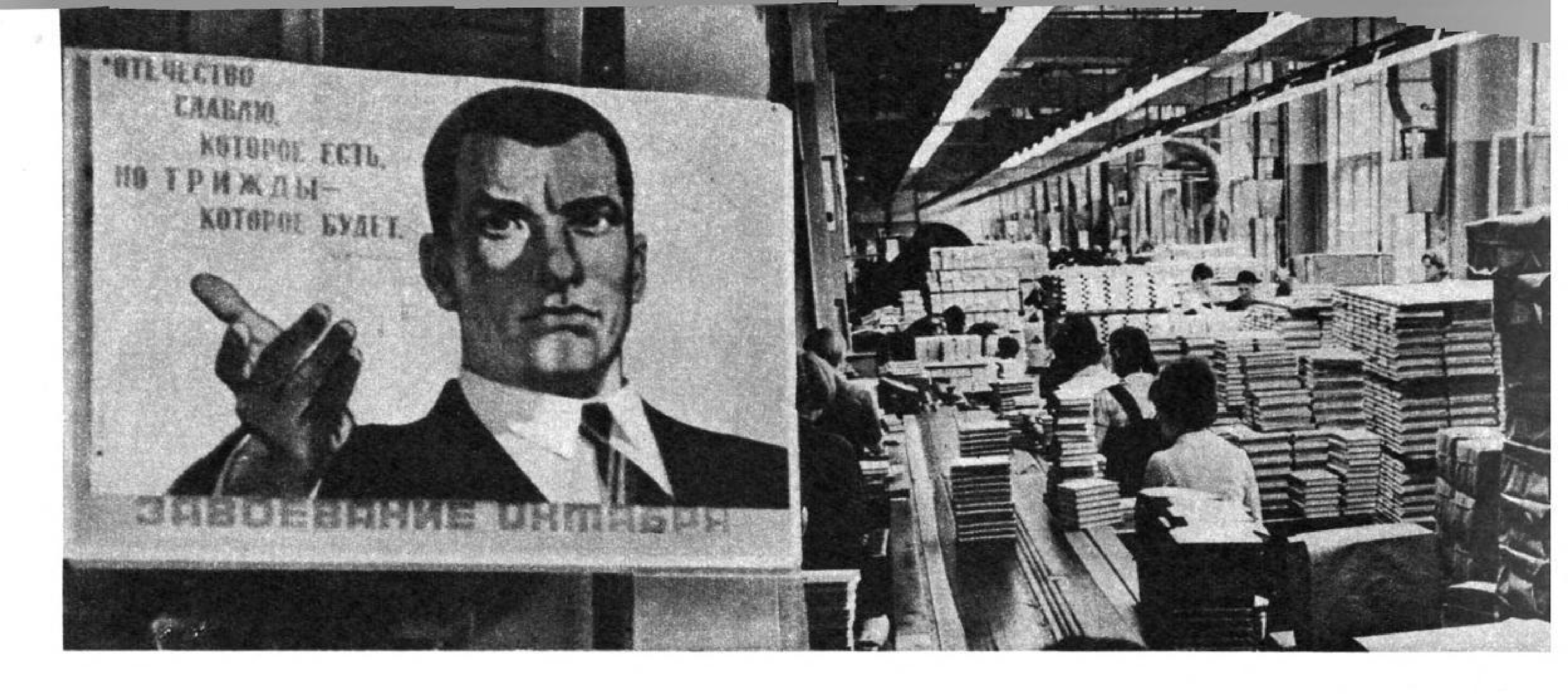
Поэзия Маяковского является национальным достоянием нашего народа, его неотъемлемой собственностью, поэтому творчество и жизнь Маяковского должны быть исследованы скрупулезно, объективно и полностью избавлены от случайных и вкусовых домыслов. Думается, что результатом такой работы могла бы стать наиболее полная, популярно написанная книга о жизни и творчестве поэта.

Необходимо, чтобы скорее начал работать вновь организуемый Музей Маяковского, в котором жизнь и творчество поэта революции предстали бы перед любителями поэзии научно аргументированными.

Для истинных любителей и поклонников поэзии Маяковского — а их несметные легионы — сегодня большой праздник. Мы встречаем семидесятипятилетие со дня рождения Владимира Маяковского в животворной атмосфере любви к его поэзии. На вооружении нашего народа его стихи, его бессмертный образ, его шаги саженьи.

...Маяковский стоит, добрый и великий, на площади своего имени, пристально всматриваясь в лица своих потомков.

А рядом течет, бурлит, как океан, воспетая им жизнь.

Маяковскому — «зеленая улица»!

СТРОКИ, ОТЛИТЫЕ В МЕТАЛЛ

На улице Горького, прямо на асфальте под цветочной витриной, примостился книжный лоток. Лежат стопочками «Записки охотника», Справочник для поступающих в вузы и Маяковский — рядком. Шесть по-летнему светлых, нарядных книжек. Подошла девушка, взяла томик наугад, раскрыла. На титуле красная цифра «шесть». В самом низу: «Библиотека «Огонек». Издательство «Правда». Москва. 1968». Наше издательство, правдинское. В книге перечислены редакторы: Л. В. Маяковская, В. В. Воронцов и А. И. Колосков, художник В. Носков, нашедший строгий и благородный тон переплета. А вот кто обратил слова поэта в металл.

Начну с технического редактора. Ее фамилия стоит последней на последней странице тома. А. Шагарина. На первом этаже, где находится производственный отдел издательства, на столе техреда готовые и готовящиеся к выпуску тома, верстки, папки с макетами, оригиналы. Хочется знать, как, с чего начинался здесь Маяковский.

— Со шрифта,— отвечает техред.— Мы очень долго искали шрифт, пробовали, хотелось найти что-то такое, чего не было. И, наконец, остановились вот на этой тонкой рубленой гарнитуре. Есть в ней какая-то тщательная законченность и уплотненная четкость. А потом началось самое сложное — макетирование и разметка. У Маяковского стихи лесенкой. А потом еще рисунки. В третьем томе, например, их более восьмидесяти. Надо было тоже разместить все. Но то, что трудно получается, большей частью и любится. Я относилась к поэзии Маяковского сначала неровно, одно нравилось, другое — не очень. Теперь же советую всем друзьям и знакомым: «Подписывайтесь на нашего Маяковского!»

...Мы идем по цехам. Сопровождает нас Дмитрий Дмитриевич Пивоваров, художник, старший инженер-технолог типографии. Мы видим, как линотипные машины собирают литеры в строки и зримо, на глазах, повинуясь нажатию клавиш, слова превращаются в металл.

В печатном цехе на ротационной машине — первая тетрадка с титульным листом седьмого тома. Молодые рабочие не знают, как издавался Маяковский тридцать — тридцать пять лет назад, еще до войны,— отдельными книжечками, выходившими приложением к «Огоньку». Помнит это Дмитрий Дмитриевич Пивоваров. И не только потому, что работал здесь, в типографии.

— Маяковский — наша молодость, моя молодость,— говорит он.— Поэзией мы вообще тогда очень увлекались, но Владимир Владимирович нам был ближе всех. Я учился в то время во ВХУТЕМАСе, а поэт там был своим человеком. Часто нам, студентам, он приносил то пропуска, то контрамарки на свои вечера. Принес «входные» и на лекцию в Политехнический музей. Стояла ранняя весна. А ровно через месяц после той лекции Маяковского не стало. Я работал тогда техноруком в типографии «Рабочей газеты». Известие о трагической кончине поэта всех нас потрясло. Помню, как мы вместе с наборщиками и печатниками пробивались на Лубянку, а потом на улицу Воровского, чтобы посмотреть в последний раз...

Старший мастер переплетного цеха Полина Михайловна Горенкова поддержала нашу беседу:

— А я слушала Маяковского в Доме комсомола Красной Пресни. Сестра заведовала этим домом и мне, девчонке, дала билет. Попала на знаменитый вечер, посвященный двадцатилетию творческой деятельности поэта. Еще помню, в зале на каждом стуле лежали тоненькие книжечки избранных его стихотворений, а на сцене всего трое — председатель, докладчик и сам Маяковский. После доклада один паренек встал и говорит: «Вот все расхваливают, а я, честно говоря, не очень понимаю Маяковского». «Читайте»,— предложил Маяковский со сцены. Паренек открыл книжечку и стал неразборчиво, невнятно, себе под нос, читать. «Ну, товарищи, что-нибудь поняли?» — спросил Маяковский. Все жмутся, глаза отводят в сторону. «Я тоже ничего не понял»,— сказал поэт, поднялся во весь рост и громовым голосом прочел «Левый марш». Зал загремел от аплодисментов.

Полина Михайловна провела нас в цех. Прямо посредине, над рядами автоматов и поточных линий, собирающих, сшивающих, склеивающих и одевающих тома в переплеты, плакат с изображением поэта, а внизу, на конвейерах, бегут лентой тоже его портреты и его рисунки.

Старший мастер вручила нам только что вышедший с машины седьмой том, с ним мы и поехали, пригласив с собой Александру Шагарину, на квартиру к Людмиле Владимировне Маяковской. Сестра поэта тепло встретила нас, горячо благодарила техреда, которая вынесла большую долю труда и забот по изданию сочинений Владимира Владимировича.

— Очень нравится мне это издание,— сказала она.— Оно массовое, очень демократичное, сделано солидно.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото Б. Кузьмина.

Технический редактор А. Шагарина привезла Людмиле Владимировне Маяковской только что вышедший седьмой том.

Полина Михайловна Горенкова и Дмитрий Дмитриевич Пивоваров. Они видели и слушали Маяковского.

Работа над пьесой «Клоп» в театре Мейерхольда. Д. Шостакович, В. Маяковский, Вс. Мейерхольд и А. Родченко. Фото из собрания Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина.

Маяковский на сцене

Н. ЗЫБИНА

Первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции была ознаменована в 1918 году постановкой «Мистерии-буфф» в Петрограде, на сцене театра Музыкальной драмы.

О трудностях подготовки этого спектакля сам Маяковский писал: «Аппарат театра мешал во всем, в чем и можно и нельзя. Закрывал входы и запирал гвозди... Только в самый день спектакля принесли афиши, и то нераскрашенный контур, и тут же заявили, что клеить никому не велено. Я раскрасил афишу от руки... И наконец, в самый вечер один за другим стали пропадать актеры. Пришлось мне самому на скорую руку играть и «Человека просто», и «Мафусаила», и кого-то из чертей».

Когда стало известно, что Театр РСФСР Первый в Москве собирается давать «Мистерию-буфф», группа литераторов подала в ЦК РКП(б) протест против постановки этой пьесы, ссылаясь на якобы «непонятность» ее для рабочих. Тогда в театре состоялся публичный диспут. Здесь единогласно было принято следующее решение: «Мы, собравшиеся 30 января в Театре РСФСР Первом, прослушав талантливую и истинно пролетарскую пьесу Вл. Маяковского «Мистерия-буфф» и обсудив ее достоинства как агитационного и революционного произведения, требуем настоятельно постановки ее во всех театрах республики...»

Премьера «Мистерии-буфф» прошла 1 мая 1921 года. Зрители, среди которых преобладали рабочие, приняли постановку с исключительным энтузиазмом. «Мистерию-буфф» давали ежедневно, до закрытия сезона. В спектакле были заняты: И. В. Ильинский, М. А. Терешкович, А. Е. Хохлов, В. Ф. Зайчиков, Б. М. Тенин. Ставил спектакль Вс. Мейерхольд. В июне 1921 года в честь Третьего конгресса Коммунистического Интернационала пьеса «Мистерия-буфф» была подготовлена на немецком языке в переводе Риты Райт. Роли исполняли артисты разных театров — С. М. Михоэлс, В. С. Канцель, А. Б. Оленин и драматург А. М. Файко.

После московской постановки «Мистерия-буфф» обошла театральные и клубные сцены городов страны. Играли отрывки из пьесы польские студенты в Варшаве, рабочий театр в Лодзи. В ряде стран Европы и Америки «Мистерия-буфф» издавалась целиком и в отрывках. В январе 1929 года начались репетиции «Клопа» в театре Мейерхольда. Незадолго до премьеры была выпущена рекламная листовка со стихотворным текстом Маяковского:

Люди хохочут
и морщат лоб
в театре Мейерхольда
на комедии «Клоп».

Гражданин!
Спеши
на демонстрацию «Клопа».
У кассы — хвост,
в театре толпа.
Но только
не злись
на шутки насекомого.
Это не про тебя,
а про твоего знакомого.

13 февраля 1929 года состоялась премьера. Роль Присыпкина исполнял И. В. Ильинский; в дальнейшем эту роль играли Н. И. Боголюбов и М. М. Штраух. По предложению Маяковского для оформления спектакля были приглашены начинающие карикатуристы, художники Кукрыниксы и А. М. Родченко. Музыку к «Клопу» написал Д. Д. Шостакович. Для художников и композитора это было театральным дебютом.

Д. Д. Шостакович вспоминает: «У меня состоялось несколько бесед с Маяковским по поводу моей музыки к «Клопу»... Маяковский спросил меня: «Вы любите пожарные оркестры?» Я сказал, что иногда люблю, иногда нет. А Маяковский ответил, что он больше любит музыку пожарных и что следует написать к «Клопу» такую музыку, которую играет оркестр пожарников.

Это задание меня вначале изрядно огорошило... В последующем разговоре выяснилось, что... ему просто казалось, что музыка пожарного оркестра будет наибольшим образом соответствовать содержанию первой части комедии, и, для того чтобы долго не распространяться

о желаемом характере музыки, Маяковский просто воспользовался кратким термином «пожарный оркестр».

...Мне нравилось в Маяковском, что он не любил пышных фраз,— продолжает Шостакович.— Говоря о моей музыке к «Клопу» во второй части пьесы, он просил, чтобы она была простой, «простой, как мычание»...

13 января 1929 года — в связи с предстоящей премьерой — в журнале «Огонек» № 2 была напечатана заметка Вл. Маяковского о пьесе «Клоп».

«Мне самому трудно одного себя считать автором комедии,— писал Маяковский.— Обработанный и вошедший в комедию материал — это громада обывательских фактов, шедших в мои руки, в голову со всех сторон, во все время газетной и публицистической работы. Газетная работа отстоялась в то, что моя комедия — публицистическая, проблемная, тенденциозная. Проблема — разоблачение сегодняшнего мещанства».

И снова началось шествие пьесы Маяковского по стране: ставили «Клопа» Ленинград, Астрахань, Днепродзержинск, Свердловск...

Московский Камерный театр на гастролях в Хабаровске показывает «Клопа» в Доме Красной Армии в концертном исполнении. Композиция спектакля принадлежит А. Я. Таирову.

30 ноября 1929 года в журнале «Огонек» напечатан отрывок из 6-го действия пьесы «Баня» и заметка: «Что такое «Баня»? Кого она моет?» Маяковский писал: «Баня» — вещь публицистическая, поэтому в ней не так называемые «живые люди», а оживленные тенденции. Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию живой — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра... Театр забыл, что он зрелище. Мы не знаем, как это зрелище использовать для нашей агитации. Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы».

По поводу премьеры Маяковский сообщал из Москвы: «Мне, за исключением деталей, понравилось, по-моему первая поставленная моя вещь. Прекрасен Штраух. Зрители до смешного поделились — одни говорят: никогда так не скучали, другие: никогда так не веселились. Что будут говорить и писать дальше — неведомо».

В Драматическом театре Государственного народного дома в Ленинграде, где также шла «Баня», роль Победоносикова с огромным успехом играл Б. А. Бабочкин.

Критика не приняла новой пьесы Маяковского.

«Меня иногда упрекали в некотором пристрастии к Маяковскому как к драматургу...— писал в своих воспоминаниях В. Э. Мейерхольд.— Со времени драматургического дебюта Маяковского прошло порядочное количество времени. Если я в отношении Маяковского действительно перехватил, то после смерти Маяковского должны бы были появиться другие драматурги, которые сейчас выплыли бы, раз раньше их заслонял Маяковский. Но равных ему по силе пока не видать...

В течение целого ряда лет у меня, да и не у меня одного, а также и у Луначарского, и у других товарищей, занимавших ведущие посты в советском театре,— у нас у всех было желание увидеть на сцене так называемую утопическую пьесу, пьесу, которая ставила бы не только проблему сегодняшнего дня, но и заглядывала бы на десятилетия вперед. Нам никогда не приходилось просить Владимира Маяковского, чтоб он написал нам такую пьесу, он сам приносил нам их. Заметьте, что во всех его пьесах, начиная от «Мистерии-буфф», есть живая потребность заглянуть в то великолепное будущее, о котором не может не грезить всякий человек, который строит подлинно новую жизнь... И я убежден, что если бы Маяковский остался в живых, то он был бы первым драматургом современности».

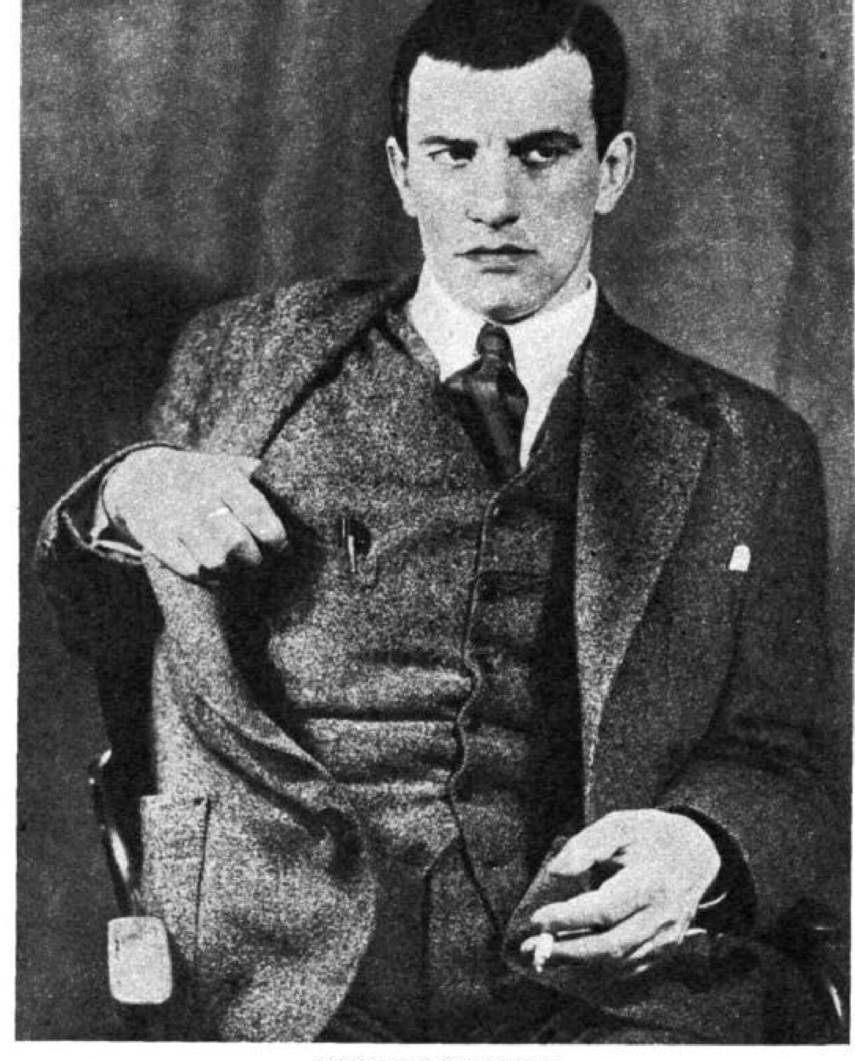

Маяковский в кресле.

Фото А. Темерина.

„Вот так я люблю сидеть"

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ СНИМКОВ МАЯКОВСКОГО

Артист театра имени Мейерхольда Алексей Алексеевич Темерин в молодости увлекался фотографией. Благодаря ему до нас дошли многие интересные спектакли, репетиции, артисты в образах. Если случались замены и актеры играли всего лишь один раз, в фототеке Темерина оказывался и такой уникальный снимок. Посчастливилось ему запечатлеть Вл. Маяковского во время читки и репетиций пьесы «Клоп», в дни постановки «Бани». Наш корреспондент попросил А. А. ТЕМЕРИНА рассказать читателям журнала об этих эпизодах.

...Мейерхольд ставил «Баню»... Перед премьерой Маяковский волновался страшно!

Во время всех спектаклей Маяковский бывал в театре: он хотел наблюдать за публикой. Как только кончался акт, он взбегал по лестнице на бельэтаж, чтобы оттуда видеть зал; перед антрактом летел наверх, а в антракте опять спускался в зал и в фойе... А у меня на бельэтаже была небольшая комнатка для фотографирования. Мне все время хотелось фотографировать Маяковского; как-то я улучил момент, когда он прибежал наверх, и говорю:

— Владимир Владимирович, я вас хочу снять! У меня все наготове: аппаратура, освещение.

Надо сказать, что аппаратура тогда была громоздкая, неудобная для работы. Огромный аппарат на треножнике надо было долго устанавливать, не то что сейчас.

Я два раза снял Маяковского на пластинку 9 × 12, отпечатал и через некоторое время вручил ему снимки. Мне казалось, что я сумел схватить его состояние.

Маяковский посмотрел и сморщился:

— У-у-у! Какой я тут...— Потом определил «какой»,— не то сердитый, не то грустный...

Его беспокойство, тревога за спектакль сказались на крупном плане. А он не хотел видеть этого своего настроения! Вернее, как всегда, не хотел, чтобы оно обнаружилось... Тогда я ему сказал:

— Владимир Владимирович, я вас сниму еще раз!

И спустя какое-то время вновь пригласил его в мою каморку. Он очень любезно пришел.

— Только, Владимир Владимирович, я вас усаживать, как в прошлый раз, не буду. Вот кресло, сами садитесь. Когда скажете, что вам хорошо, буду снимать!

И начался процесс его «усадки». Я стою в стороне и жду.

Сел. Прямо, не прикасаясь к спинке. Достал портсигар. Вынул папиросу, взял ее в рот, пожевал; передвинул на одну сторону рта, на другую; вынул; прислонился к спинке кресла. Взял папиросу в левую руку, в правую... Встал. Потом опять сел. Посидел устало, поправил пиджак, хмыкнул. Сунул палец под мышку, снова взял папиросу в левую руку и, наконец, басом сказал:

— Вот так я люблю сидеть!

— Вот так я вас и сниму!

Наверное, потому, что он долго усаживался, или потому, что мне так хотелось передать его состояние — передать и могучую его фигуру и сосредоточенность,— на снимке он получился спокойный, задумчивый... И я очень рад, что мне удалось запечатлеть не только лицо. Он был широкоплечий, массивный. Силу эту на снимке передать было трудно. И у меня явилась новая мысль — сделать снимок только головы с плечом. Я усадил его снова, снял... Снимок ему очень понравился! А в 1958 году на Всесоюзной выставке этот самый снимок «Маяковский в кресле» получил премию. Он известен, печатался много раз, но почему-то печатали только лицо.

Вскоре мы уехали на гастроли в Берлин и Париж. Больше Маяковского я не видел. А потом мы узнали о его гибели... Эти снимки были последними...

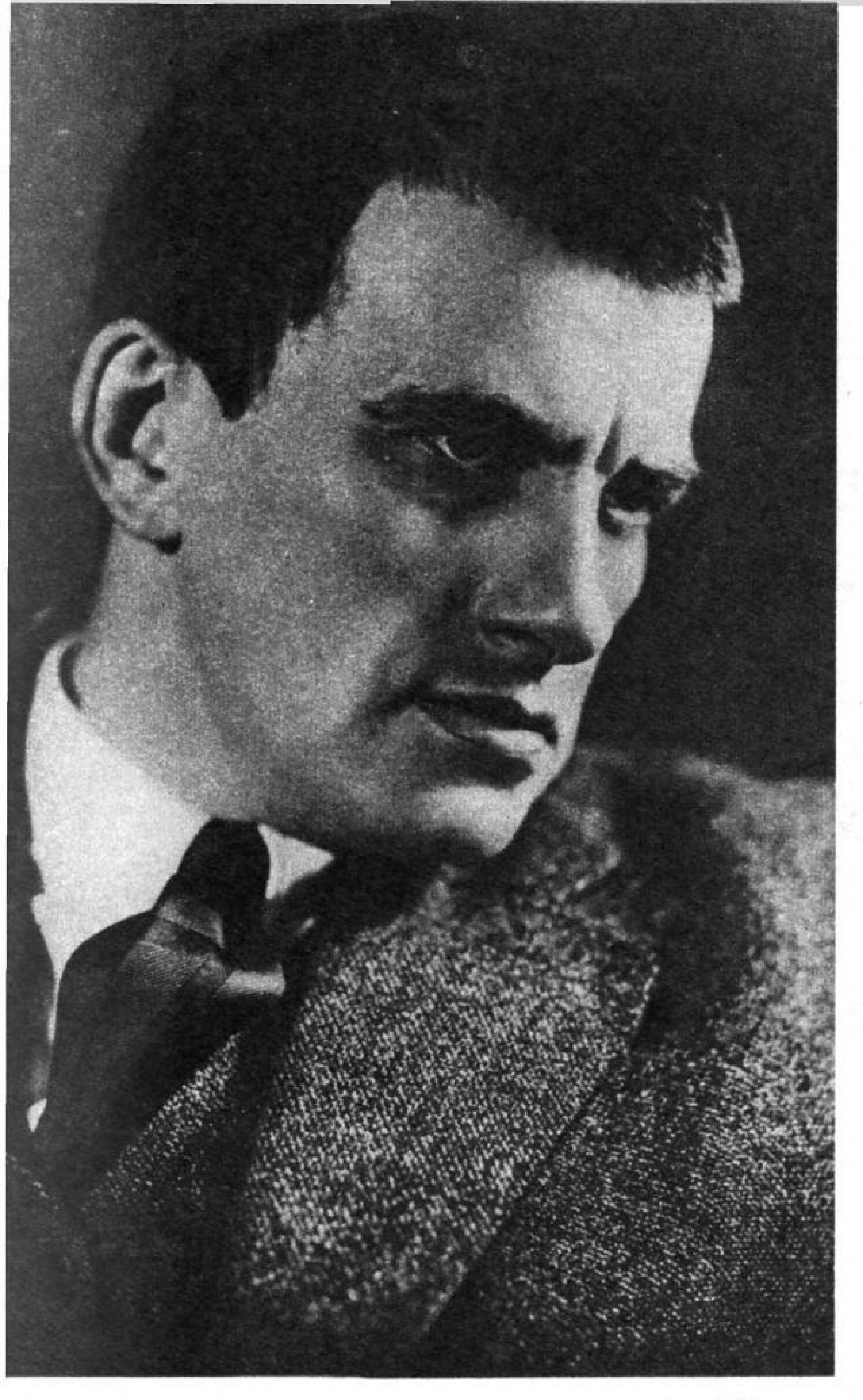

Фото А. Темерина.

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

Рюрик ИВНЕВ

В 1913 году тихая, патриархальная Москва была взволнована приездом находившегося в зените славы поэта Константина Бальмонта. В «Обществе свободной эстетики» готовилось торжественное чествование.

И вот на этот вечер, ставший как бы выставкой самых известных писателей и художников Москвы, явились два никому неведомых студента, незнакомых друг с другом. Один из них был студент Училища живописи, ваяния и зодчества Владимир Маяковский, другой — автор этих воспоминаний, студент Московского университета.

Но явились они на вечер с противоположными целями. Маяковский, чтобы произнести гневную речь против юбиляра, которого он считал отжившим и устаревшим, и против всех, кто его чествовал, то есть против всей аудитории. Я, завороженный поэзией Бальмонта, пришел для того, чтобы выразить поэту свое восхищение в стихах, напоминавших оду. Маяковский явился в сопровождении нескольких своих молодых союзников.

Из глубины зала время от времени слышались их иронические возгласы, особенно резкие, когда их выкрикивал сам Маяковский. Я с трепетом прочел свою оду и передал ее дрожащими руками Бальмонту. В этот момент Маяковский громко захохотал.

После чествования Маяковский произнес свою гневную речь, разумеется, с места, а не с трибуны. Он сам дал себе слово и, надо отдать ему справедливость, говорил ярко и страстно.

Оба молодых поэта достигли своей цели. Маяковский получил большое удовольствие, что выразил свой протест и отчитал юбиляра, я же получил в награду за свою оду милостивую улыбку Бальмонта.

Писатели и художники слушали речь Маяковского, снисходительно улыбаясь и, вероятно, вспоминая свою юность. Но несколько литературствующих адвокатов квалифицировали выступление Маяковского как «злостное нарушение порядка в приличном обществе». Однако до «скандала» дело не дошло: публика сочла выступление Маяковского вполне парламентарным, ибо в нем не было «недопустимых слов». И, главное, сам Бальмонт, по-видимому, не обиделся. Он был на вершине славы и мог благодушествовать.

Маяковский произвел на меня большое впечатление. Его дерзость я воспринял как естественное бунтарство против чуждых ему эстетических взглядов. Его бурный протест был глубоко искренним, а искренность всегда подкупает, особенно молодежь. Если на этом вечере мы не были с ним союзниками, то в союзе была наша молодость. Да и сама наружность Маяковского не могла не вызывать симпатии. Мне, как и многим молодым поэтам того времени, казалось, что поэт должен быть именно таким, каким был Маяковский: высоким, красивым, смелым.

В 1913 году мы только увидели друг друга. Позже, в Петербурге нас никто не представлял друг другу. Нас познакомило время. Другими словами, мы не могли не познакомиться, так как вращались в одном кругу. Мы никогда не сходились с ним так близко, как это было у меня с Есениным и Мандельштамом, но стихи Маяковского я полюбил с того дня, когда их услышал впервые. Я всегда был против сопоставлений имен... Мне всегда казалось, что бессмысленно сравнивать стихи разных поэтов, ибо каждый поэт — отдельная, особая планета и потому несравнимая.

Но читателей интересуют не столько рассуждения о поэтах, а факты, то есть встречи, впечатления, беседы.

Первое наше общение началось с полушутливого столкновения.

Это было зимой 1913 года в Петербурге, в литературном кабачке «Бродячая собака». Там обычно собирались поэты, артисты и художники. Из поэтов особенно часто бывали М. Кузмин, О. Мандельштам, Анна Ахматова, Георгий Адамович и Георгий Иванов. Так как артисты, занятые в театре, не имели возможности приезжать рано, то кабачок открывался в 11 часов вечера. Расходиться начинали в 5—6 часов утра. Стены «Бродячей собаки» были расписаны художником Судейкиным.

Как-то раз, после моего выступления, когда я прочел строки:

На станциях выхожу из вагона
И лорнирую неизвестную
местность,
И со мною всегдашняя бонна —
Будущая известность,—

Маяковский поднялся с места и прочел экспромт:

Кружева и остатки грима
Будут смыты потоком ливней,
А известность проходит мимо,
Потому что я только Ивнев.

Вскоре разразилась война с Германией, и петербургские поэты разделились на две группы, занимавшие противоположные позиции. Одни стали ура-патриотами, славя войну до победного конца и тем самым поддерживая царский режим, другие резко критиковали империалистическую войну. Как известно, Маяковский был в числе тех, кто был революционером еще до победы революции.

В 1915 году имя Маяковского стало широко известно, и, как всегда бывает в таких случаях, увеличился круг его почитателей. Помню, как одна из самых пламенных поклонниц его таланта, художница Любавина, устроила в своей студии большой вечер в честь Маяковского, на котором поэт должен был читать свои новые стихи. Любавина пригласила всех, кто любил и ценил творчество Маяковского. Стало известно, что на этом вечере будет присутствовать Алексей Максимович Горький. В ту пору Горький был единственным из знаменитых писателей, отнесшихся к Маяковскому с большим вниманием. И вот вечер состоялся. Я присутствовал на нем и был свидетелем необычайного происшествия, ошеломившего всех. Надо напомнить, что Маяковский уже с первых шагов своей литературной

деятельности поразил знатоков поэзии не только своим мощным, своеобразным талантом, но и мастерским чтением. Кроме того, он обладал врожденным остроумием, а его умение молниеносно парировать наскоки противников на диспутах восхищало одинаково как его друзей, так и недругов. Поэтому то, что произошло с ним на вечере у Любавиной, вызвало всеобщее изумление. Сначала все шло гладко... Приглашенные оживленно беседовали в ожидании выступления поэта. Молодежь почтительно наблюдала за Маяковским, расхаживавшим саженьими шагами по студии. Когда все уже были в сборе, из передней послышалось покашливание Алексея Максимовича. Он вошел в затихшую комнату, высокий, немного сутулый, привыкший к любопытным взглядам и все же как будто чуть-чуть стесняющийся. Можно было начинать, и Любавина пригласила Маяковского к столу, на котором стоял графин с водой. Маяковский подошел к столу. Лицо его было бледнее обыкновенного. Наступила тишина. Маяковский приступил к чтению. Но более четырех строк ему не удалось прочесть. С ним что-то случилось. Он прервал чтение. Все это было так не похоже на Маяковского, что все как бы застыли от удивления. Маяковский тряхнул головой и попытался продолжать чтение. Еще несколько строк—и снова молчание.

— Володя, что с вами? — испуганно спросила Любавина.

Вместо ответа он залпом выпил стакан воды, а через несколько секунд резким движением отодвинул стакан, который, натолкнувшись на графин, жалобно зазвенел. Студия затаила дыхание, как бы прислушиваясь к звону стекла. Маяковский махнул рукой и произнес сдавленным голосом:

— Не могу читать,— и вышел в соседнюю комнату.

Никто ничего не понимал. Алексей Максимович, мягко улыбаясь, тихо что-то говорил смущенной и взволнованной Любавиной.

Вскоре уехал Алексей Максимович, и публика начала расходиться. Ушел и я, и только на другой день, зайдя к Любавиной, я узнал от нее то, что произошло с Маяковским. Любавина мне рассказала:

— Когда все разошлись, я вошла в комнату, в которую удалился Володя. Он сидел на маленьком диванчике, низко опустив голову. На мой вопрос, что с ним случилось, он мрачно ответил:

— Сам не знаю. Ну как это объяснить? Никогда со мной не бывало. Короче говоря, у меня было такое ощущение, как будто меня обложили ватой, закутали в вату, запеленали в вату. Мне было слишком тепло и тесно. Когда знаешь наперед, что все будут слушать, чуть ли не затаив дыхание, читать невозможно. В такой пряной атмосфере даже дышать трудно. И я чуть не задохнулся. Очевидно, без острых углов я не могу обойтись. В Политехническом в Москве или у нас в Тенишевском я выхожу как на бой, а здесь вчера вышел как на парад. А парадов я не терплю. Вот и провалился перед Горьким.

Этот эпизод был очень характерен для Маяковского. Он сам достаточно ясно объяснил свой провал Любавиной. Ему нужны были стадионы и площади, а не салоны.

Говоря о Маяковском, нельзя умолчать о том факте, что подавляющее большинство читателей очень интересуется взаимоотношениями между ним и Есениным. Мне трудно полностью осветить этот вопрос, так как с Маяковским я очень мало говорил о Есенине, но с Есениным я не раз говорил о Маяковском и должен сказать, что Есенин прекрасно понимал и силу таланта Маяковского и его удельный вес в нашем обществе. Вышло так, что в известный период Маяковский и Есенин стали наиболее популярными поэтами, и вполне естественно, что, как это бывает всегда в таких случаях в истории литературы, одним читателям был ближе по духу Маяковский, а другим — Есенин. Но читатели бывают разные: объективные и субъективные. А субъективные делятся еще на спокойных и неистовых. И вот эти неистовые сторонники Маяковского и Есенина создали миф о том, что Маяковский и Есенин чуть ли не ненавидели друг друга.

Этот миф искажает истину.

Моя дружба с Есениным и любовь к его стихам нисколько не мешали мне ценить и любить замечательные стихи Маяковского. Талант его был настолько своеобразен и ярок, что мне просто не верилось, что кто-нибудь мог в этом сомневаться.

Его стихи нельзя было спутать с другими стихами. Его голос нельзя было спутать с другим голосом. Тогда я еще смутно понимал, но позже понял ясно и отчетливо, что можно любить стихи совершенно разных и даже противоположных поэтов.

О том, как Маяковский встретил великие дни Октября, слишком хорошо известно, чтобы заново рассказывать. Он одним из первых пришел в Смольный в 1917 году. И потому из периода первых дней и месяцев рождения Советской власти я коснусь тех эпизодов, которые никому не известны или мало известны. В начале марта 1918 года А. В. Луначарский, у которого я был секретарем, командировал меня в Москву в качестве своего секретаря-корреспондента. Как известно, Советское правительство, переезжая в Москву, оставило наркома Луначарского еще на некоторое время в Петрограде. Вскоре после моего приезда в Москву я начал встречаться с Маяковским в «Литературном кафе», в Настасьинском переулке. Это кафе было организовано им, Василием Каменским и Давидом Бурлюком. В нем происходили выступления поэтов и диспуты о новом искусстве. В те короткие приезды в Москву, которые совершал иногда Луначарский, он не раз бывал в этом кафе.

В Москве 1918 года было голодно и холодно, но это не мешало москвичам, особенно молодежи, интересоваться искусством. Интерес был даже более повышенным, чем прежде, потому что революционное искусство было новинкой для того времени. Вход в кафе был по рекомендациям, но все равно кафе было всегда переполнено.

В один из приездов после моего доклада в Наркомпросе Луначарский спросил меня:

— Вы бываете в кафе футуристов?

Я ответил, что бываю довольно часто.

— Маяковский и Каменский просили меня принять участие в сегодняшнем диспуте. Я обещал. Если встретите их, скажите, что я обязательно приеду. Но не раньше десяти часов вечера, как мы и условились.

Ровно в десять часов приехал Луначарский. В руках Давида Бурлюка зазвенел колокольчик. Луначарский прошел на эстраду. Через несколько минут молодой, но уже тучный Бурлюк, играя своим неизменным лорнетом, потребовал от аудитории тишины.

— Товарищи! Слово имеет наш добрый друг и гость Анатолий Васильевич Луначарский.

Когда аплодисменты затихли, Луначарский, как всегда, легко и свободно начал говорить, расхаживая по эстраде. Но на этот раз он ограничился краткой приветственной речью, сказав, что не будет отнимать у публики времени, предназначенного для диспута, и добавил:

— Я уверен, что все участники диспута, несмотря на имеющиеся у них разногласия, объединены одним желанием, чтобы молодое советское искусство отражало великие перемены, происшедшие в нашей стране, и только такое искусство будет иметь будущее.

— Будущее — это футуризм,— раздался громовой голос Маяковского.

— Если будет правильно отражать великие перемены,— парировал Луначарский.

Диспут, как и ожидали, протекал бурно. По существу, это было состязание в остроумии между Луначарским и Маяковским. Собрание вели по очереди Василий Каменский, Давид Бурлюк и Маяковский. Во время председательствования Маяковского, когда один из посетителей кафе, успевший зарекомендовать себя назойливостью, попросил у него слова, Маяковский с утрированной учтивостью спросил:

— Простите, товарищ, как ваше имя и отчество?

— Какое это имеет значение? — удивленно переспросил тот.— Не достаточно ли будет, если я назову вам свою фамилию.

— А как ваша фамилия? — с той же учтивостью спросил Маяковский.

— Охотников.

— Прекрасно, товарищ Охотников. А теперь назовите ваше имя и отчество.

— Если вас это так интересует, извольте: Николай Аристархович.

— Дорогой Николай Аристархович, к сожалению, я никак не могу нарушить устав нашего клуба, в котором черным по белому написано, что выступать у нас на диспутах имеют право только те товарищи, имя которых совпадает с их отчеством.

— Что за чепуха? — возмутился Охотников.

— Простите, дорогой Николай Аристархович,— мягко пояснил ему Маяковский.— Но это далеко не чепуха. Я имею право здесь выступать только потому, что меня зовут Владимир Владимирович, Каменский потому, что его зовут Василий Васильевич, а Бурлюк потому, что его зовут Давидом Давидовичем.

Но это действительное совпадение имен и отчеств трех поэтов не смутило жаждавшего выступить Охотникова, и он спросил, скорее насмешливо, чем раздраженно:

— А Луначарский? Насколько мне известно, его зовут Анатолий Васильевич, а не Анатолий Анатольевич.

Публика смеялась. Маяковский поднял руку и, когда в зале наступила относительная тишина, ответил с той же нарочитой учтивостью:

— Дорогой Николай Аристархович! Неужели вы не понимаете, что для высокого гостя мы не можем не сделать исключения.

Новый взрыв хохота. Бедный Охотников не знал, куда деваться.

Как известно, Маяковский уделял время не только диспутам. Его деятельность была разносторонней. Из всех поэтов, принявших безоговорочно Октябрь, Маяковский был наиболее активным. Поэты, стоявшие на противоположных позициях (а их было немало), бурно осуждали Маяковского. Один из них в газете «Раннее утро» резко напал на всех, кто поддерживал большевиков, в том числе на Маяковского и Каменского. В статье «Стальной корабль» я выступил в защиту Маяковского и Каменского, за что, в свою очередь, подвергся нападкам не только «Раннего утра», но и других еще существовавших тогда буржуазных газет.

Маяковский своим творчеством и устным выступлением боролся за укрепление Советской власти. У Маяковского было очень четкое отношение к фактам и событиям. Маяковский был глубоко принципиален, но в его принципиальности не было ни малейшего оттенка педантичности и мелочности.

Когда я, высланный из Грузии меньшевистским правительством еще в июне 1920 года, в ноябре наконец добрался до Москвы, Маяковский при встрече со мной просил рассказать, как мне удалось вырваться из «меньшевистского плена». Я ответил, что меня выслали.

— Хорошо еще, что не посадили в Метехи,— заметил он.— Ну, а теперь для вас пришло время освободиться от пут имажинизма. Тогда все будет в порядке. Все имажинистские декларации — сплошное пустословие. Не понимаю, что вас потянуло к ним. Дружба с Есениным? Но ведь дружить можно и без платформ. Да, в сущности, ни вы, ни Есенин не имажинисты, а Шершеневич — эклектик. Так что весь имажинизм помещается в цилиндре Мариенгофа.

Я не стал с ним спорить, и на этом разговор наш закончился.

В день смерти Маяковского я был в Москве и видел своими глазами, как была потрясена вся Москва его неожиданной кончиной.

Маяковского нет с нами, но живут и всегда будут жить созданные им произведения—стихи, пьесы, сатира,— пронизанные страстной любовью к Родине, к чистой правде. Они служат великому делу коммунизма.

ВСПОМИНАЯ ЮНОСТЬ

Евгений КАЦМАН,
член-корреспондент Академии художеств СССР,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Я всегда с каким-то особым чувством вспоминаю свою юность, Училище живописи, ваяния и зодчества, встречи с учителями, с друзьями. И это не мудрено. Ведь рядом со мною ходили, жили, спорили, творили такие удивительные люди, как А. Васнецов, К. Коровин, А. Архипов, и среди них молодой, еще не раскрывшийся во всей громадности Маяковский.

Он был человек особенный, ни на кого не похожий — огромный. Его лицо, не очень красивое, но энергичное, совершенно менялось, когда он спорил или читал стихи,— тогда оно как бы освещалось внутренним жаром и становилось другим, красивым. Он очень легко и даже, я сказал бы, изящно носил свое большое тело.

В училище устраивались литературные концерты. Мне запомнился один вечер: Владимир Маяковский и Давид Бурлюк читали свои стихи, целый цикл под названием «Дохлая луна». И вот минут за 20 до начала выступлений Маяковский попросил сходить за коньяком. Я спросил его: «Зачем вам коньяк?» Маяковский ответил: «Я боюсь выходить на эстраду». О нем сложились легенды как о человеке самоуверенном, дерзком, который совершенно свободно выступает. Это неверно. Маяковский был чрезвычайно застенчив.

Однажды после окончания занятий Бурлюк, Маяковский и я вышли на Мясницкую улицу. Она и сейчас осталась такой же, какой была,— узенькой. И мы шли все трое, почти заполняя тротуар. И вдруг Бурлюк говорит мне: «Евгений, сейчас Володя будет читать стихи, мы вдвоем пойдем впереди, а вы сзади».

Маяковский в плаще, в шляпе поднял голову, взмахнул правой рукой и начал очень громко читать. Встречные налетали на Маяковского, который не обращал ни на кого внимания. Прохожие отходили то в левую, то в правую сторону, а Маяковский упоенно читал стихи. Первые три года поэт свои стихи не записывал, у него была гениальная память.

Он был очень общительный с товарищами и привлекал своей одаренностью и необыкновенным остроумием.

Пушкин сказал про Мицкевича: он вдохновен был свыше. То же можно сказать и о Маяковском.

* * *

Летом 1926 года в Парке культуры, в Москве, был вернисаж выставки «Жизнь и быт народов СССР». Впервые наши художники разъехались в командировки по всем республикам и привезли яркие репортажи о новой жизни страны.

На открытие выставки собрались тысячи людей. Открывал ее А. В. Луначарский, который сказал, что это не вернисаж, а народный праздник. Экспозиция пользовалась колоссальным успехом, ее посетило более 100 тысяч человек. Как-то на выставку пришли Маяковский и журналист Левидов. Мы с художником Богородским встретили их. И сразу были забыты годы неприязни. Ведь мы несколько лет не разговаривали с Маяковским, поссорившись из-за роли футуризма в искусстве.

Маяковский, огромный и собранный, медленно ходил по территории выставки и смотрел одну картину за другой. И вдруг Левидов ему говорит: «Володя, с кем ты ходишь? С Кацманом, ведь он натуралист, это же позор». Маяковский посмотрел на маленького Левидова сверху вниз, отступил немного и сказал: «Убирайся к черту, ты ничего не понимаешь». И тут я увидел другого Маяковского, стремившегося к простоте и ясности правды...

В эту пору Маяковский уже навсегда расстался с футуризмом. Он стал великим поэтом-реалистом. Он вместе с партией строил социализм, а его друзья не поняли его, осудили, осуществляя нелепую программу футуризма.

...В 1922 году открылась 47-я выставка передвижников. Была дискуссия. На эту дискуссию собрались представители различных направлений в искусстве, в том числе Маяковский, Брик, Касаткин и молодые художники, поставившие своей целью очистить советское искусство от всякого футуризма и беспредметной нечисти. Я впервые здесь увидел Брика, который называл себя всюду «литературным отцом Маяковского». Кто же такой был Брик? Его отец торговал бриллиантами. И надо полагать, что семья Бриков была далека от идеалов социализма. И вот этот Осип Брик, выступая на дискуссии, доказывал, что живопись, скульптура, графика — это все отстало, все это теперь не нужно, все это вполне умещается в черных или красных квадратах и вообще живопись рабочему классу не нужна....

И как я был счастлив, когда увидел, что Маяковский вырвался из паутины идиотических мыслей Бриков о примате футуризма и абстракционизма.

* * *

Однажды я находился в своей мастерской. Ко мне пришел поэт и художник Павел Радимов. В дверь постучали, пришла Тамара, дочь Демьяна Бедного, и сказала: «Папа просит всех к себе». Квартира Демьяна Бедного находилась на этом же этаже, где была моя мастерская, и мы вошли к нему. Он сказал: «Москва полна слухов, что Маяковский застрелился, сидите здесь, я пойду сейчас крутить телефон». Через десять минут он вошел с расстроенным лицом и сказал: «Маяковский мертв».

И мы сейчас же выехали на квартиру Маяковского. Там еще не было народа. Квартира была почти пустая, и мы увидели на огромном, длинном и широком диване Маяковского. И в пятом межреберье у него была красно-лиловатая рана.

Его перенесли на Поварскую, в Клуб писателей. И там я нарисовал его голову в гробу. Мой рисунок был напечатан в «Известиях».

Я спросил у одного крупного работника: правда ли, что здесь замешана женщина? Он ответил: «Нет, здесь замешан мужик»...

С тех пор прошло много лет. Но никогда я не забывал всего тогда увиденного и никогда меня не покидала мысль: что же в конце концов случилось с Маяковским?

Меня поражало окружение Маяковского. Поэт стремился к правде, реализму, он отдал свой гений революции, а бывшие его друзья-футуристы перестали с ним общаться, словно бы вычеркнув его из жизни.

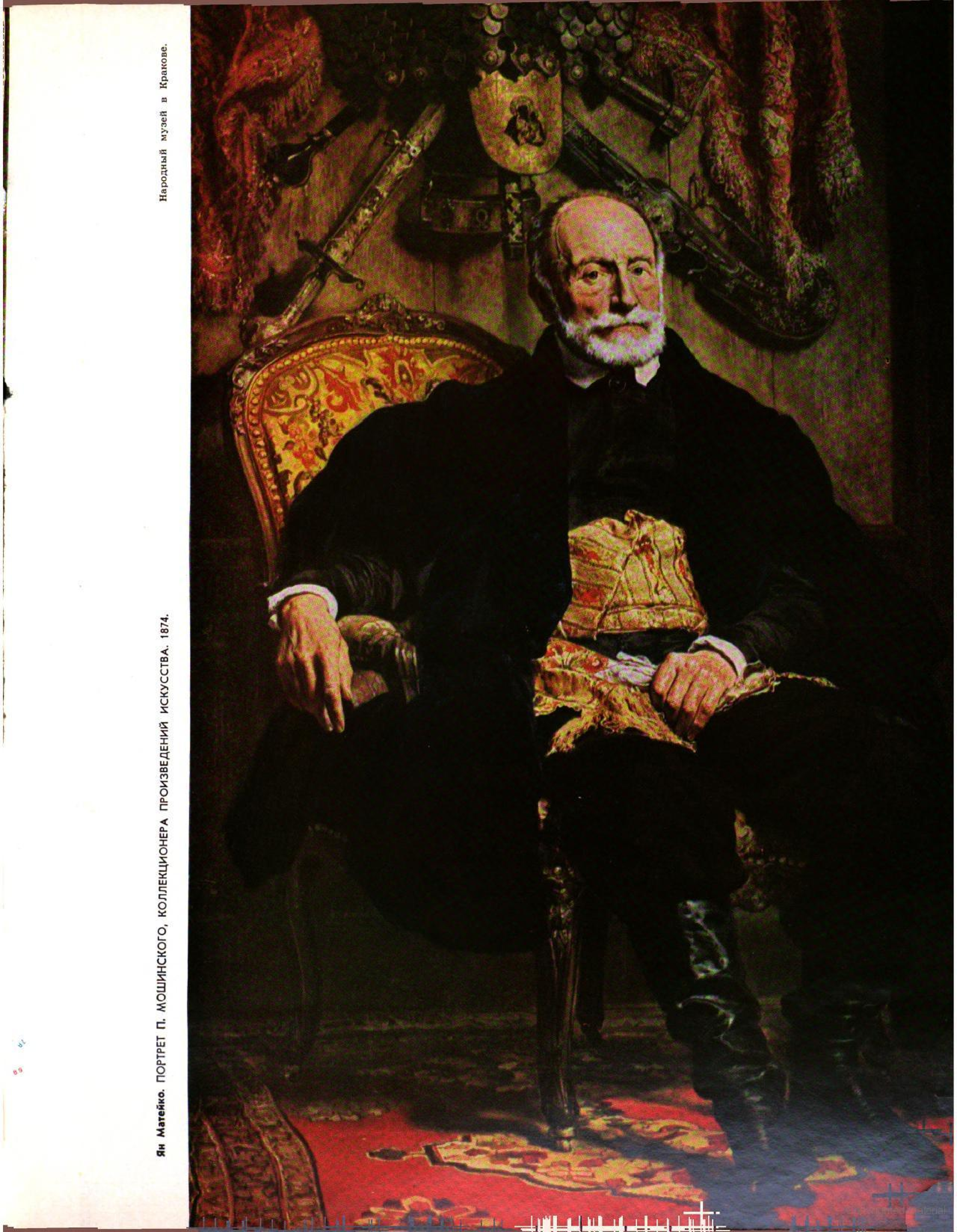
К значительной части стихотворений, включенных в только что вышедший из печати шестой том Собрания сочинений В. Маяковского, можно поставить как бы эпиграфом строки из стихотворения «Столп»:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила.
И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

На страницах тома мы встречаем острые сатирические портреты бюрократов, халтурщиков, подхалимов, сплетников, ханжей; мы находим здесь гневную отповедь классовым врагам всех мастей, под какими бы личинами они ни скрывались. С глубокой радостью отмечая огромные достижения Страны Советов, Маяковский беспощадно клеймит все то, что мешает двигаться вперед, и призывает читателей, и особенно молодежь, бороться с недостатками, с упущениями, со всякого рода пережитками прошлого.

Поэт активно вмешивается в жизнь, и ни одно событие не ускользает от его внимательного взора. Горячо приветствует он делегатов Шестого конгресса Коминтерна, радуется размаху жилищного строительства в городах нашей страны, пишет о подвиге ледокола «Красин», спасшего экипаж дирижабля «Италия», агитирует юношество за вступление в Коммунистический интернационал молодежи.

В шестой том Собрания сочинений вошли стихи, статьи и выступления 1928 года. На вкладках — фотографии, портрет Маяковского работы художника П. Келина и кадры из кинохроники, запечатлевшие поэта в момент его выступления.

Ян Матейко. ПОРТРЕТ П. МОШИНСКОГО, КОЛЛЕКЦИОНЕРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА. 1874.

Народный музей в Кракове.

Ян Матейко. ПОРТРЕТ М. ЖУБЛИКЕВИЧА. 1887.

Народный музей в Кракове.

ЧЕЛОВЕК

Стефан **ЕЖЕВСКИЙ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Не суждено было Любичу провести сегодняшнюю ночь в постели.

Он один должен был допросить по очереди Завадского, Гражину Масс и Сильвестра Зелинского, так как доктор по прибытии в отделение поручил Ковалину немедленно выехать в Краков и взять на себя наблюдение за Бруннером.

Допрос затянулся до двух часов ночи. Больше всего времени поручик уделил Зелинскому, допрашивая его в соответствии с планом, разработанным Лахом. Как оказалось, Зелинский — снабженец одной из варшавских фабрик — отдыхал в Закопане за счет прошлогоднего отпуска, и не было никаких оснований держать его под арестом. Он был совершенно трезвый и, как показали свидетели, подвергся нападению со стороны репортера. Нужно было также освободить Гражину Масс, участие которой во всем этом инциденте ограничилось оттаскиванием Завадского от лежащего на полу соперника.

На всякий случай решение освободить Гражину и Зелинского Любич решил согласовать с доктором.

Лах ожидал поручика в кабинете коменданта.

— Ну, что новенького? — спросил он стоящего на пороге Любича.

— Ничего. Совсем ничего. Можно только задержать до утра этого пьяного журналиста и передать дело в суд.

— А как вел себя Зелинский?

— Он сказал, что пожалуется в прокуратуру, если его тут же не отпустят.

— Ну, тогда освободим его. В конце концов давайте освободим сейчас всех троих, однако перед этим я хотел бы вам показать кое-что.

Лах вытащил из лежащей на столе дамской сумочки маленькую фотографию и подал Любичу.

— Вот человек, которого мы ищем. Ян Гурский или также... Все равно, как называть его.

Любич нахмурил брови.

— Признаюсь, вы меня потрясли, пан доктор. Откуда вы знаете, что это именно он. Правда, мужчина на фотографии слегка напоминает портрет Гурского, который мы опубликовали, но это совершенно не подтверждает того, что это один и тот же человек. Это что, служебная тайна?

— Какая там тайна! Вы ведь полностью посвящены во все подробности этого дела, зачем же мне что-нибудь скрывать от вас? Тем более такую мелочь. Просто я знал, что Гражина Масс — агентка вражеской разведки, и предположил, что она приехала в Закопане с той же целью, что и мы. Таким образом, пани Масс должна знать, как выглядит разыскиваемый ее шефами человек. Поэтому она должна была носить при себе постоянно его фотографию.

— Ну, надо же! — фыркнул Любич.— Вы говорите все это серьезно, доктор? Ведь пани Масс может носить с собой фотографию какого-нибудь из своих многочисленных любовников. Как я успел заметить, у нее их вполне достаточно. Я сам просматривал ее сумочку и насчитал дюжины две разных снимков с нежными подписями. А, кроме того, откуда вы знаете, что она не была лично знакома с Яном Гурским. Тогда фотография оказалась бы совсем ни к чему.

Лах все время кивал головой, как бы соглашаясь с выводами Любича.

— Все, что вы сказали, вполне логично, хотя кажется мало правдоподобным, чтобы агенты разведки приглашали друг друга на чай и поддерживали приятельские отношения. Гражина Масс могла знать Гурского при условии, что он, как резидент разведки, поддерживал контакт с доверенной ему шпионской сетью. Но не в этом дело. Речь идет совсем о другом...

Лах потянулся за лежащим на столе бумажником и вытащил из него какую-то фотографию.

— Может быть, дорогой коллега, вы присмотритесь к этому снимку? Может, вы скажете, что и Зелинский носит с собой фото своего любовника?

Поручик остолбенел.

Доктор держал в руках две одинаковых фотографии.

— Я могу вам даже сказать,— продолжал Лах,— что они сделаны на идентичной фотобумаге, скорее всего американского происхождения. Вы должны признать, что это заставляет задуматься. И если помнить, что Гражина Масс знает Зелинского, как говорится, мимолетно, несколько дней... А что касается вас, дорогой коллега, то у меня к вам только одна претензия: несмотря на то, что вы обыскивали обоих, вы проглядели самое существенное.

Любич в растерянности потирал щеку.

— Да, черт возьми! Вы правы, пан доктор. Я болван, который должен доить коров в деревне...

Это неожиданное раскаяние обезоружило Лаха. Он подошел к поручику и похлопал его по плечу.

— Все не так уж и плохо.

Наступила минута смущенного молчания. Доктор подошел к окну и выглянул на улицу с таким вниманием, как будто там происходило что-нибудь интересное, а Любич сел на стул около письменного стола и бессмысленно перебирал разложенные на нем фотографии.

Наконец Лах отвернулся от окна.

— Всех троих следует сейчас же освободить,— сказал он.— Зелинского мы также берем под пристальное наблюдение. Прошу отдать приказание, чтобы сделали соответствующее число копий с фотографии Гурского и разослали их во все наши отделения. Пусть нам также немедленно пришлют из Кракова самое меньшее шесть сотрудников, а когда они приедут, пусть явятся ко мне, теперь же...— Лах посмотрел на часы,— нам следует по крайней мере два часа поспать. Спокойной ночи, поручик.

В это самое время Завадский, сидя на твердой деревянной скамье, проклинал в душе себя, Гражину, блондина, который, как назло, оказался в кафе, и торжественно обещал себе, Завадскому, что больше никогда в рот не возьмет ни капли спиртного. «И что я, собственно, нашел в этой Гражине? — думал он, опираясь лбом на ладони.— Знаю всего несколько дней, знаю, что добродетель не относится к числу ее достоинств, и вдруг во мне просыпается Отелло из провинциального театра».

В это время в дверях камеры появился милиционер.

— Гражданин Завадский, прошу вас собраться!

Завадскому, собственно, нечего было собирать. Через минуту он стоял перед дежурным лейтенантом, который произнес короткую, глубоко содержательную речь. Не обошлось без упоминания о том, что стыдно, когда журналист подобным образом ведет себя в публичном месте. Ему напомнили также о деле, которое будет слушаться в свое время в местном суде, и предостерегли от повторного визита в здешнее отделение милиции.

Завадский, полный наихудших предчувствий, переступил порог милиции. По мере удаления от места, где он провел эти несколько неприятных часов, настроение у него начало улучшаться.

— Приму ванну, побреюсь,— планировал он.— Гражине куплю несколько роз, найду Лаха, и... все будет хорошо. Мир прекрасен.

Следует отметить, к похвале репортера, что он быстро реализовал свой план, даже его труднейший пункт, ему удалось выполнить неожиданно легко. Лаха он встретил в кафе уже в одиннадцать и без излишних разговоров получил от него обещание, что тот вмешается.

Гражина также сердилась недолго, особенно когда он предложил ей поездку на санях в горы.

Погода была прекрасная, для такого путешествия лучше не придумаешь. Скрипел под полозьями сухой снег, весело позванивали колокольчики на конских дугах.

Однако Завадский недолго находился в таком мечтательном настроении. Когда они проезжали мимо гуральских домиков, прилепившихся на склоне горы, Гражина попросила:

— Задержимся, мне ужасно хочется пить.

— Я пойду с тобой,— предложил репортер.

— Подожди в санях, я сразу же вернусь,— крикнула она, и, прежде чем Завадский успел выбраться из саней, Гражина исчезла за углом ближайшей хаты.

Репортер махнул рукой и старательно прикрылся бараньим тулупом. Вокруг было пусто. Только около одной из хат загорал на лежаке курортник.

Завадский закурил, сильно затянулся раз, другой, после чего с отвращением бросил окурок в снег. Он удобно растянулся и прикрыл глаза, полной грудью вдыхая морозный воздух.

Внезапно он услышал голос возницы:

— Любезный, долго мы будем здесь еще стоять? — репортер открыл глаза.

— А что вам так не терпится?

— Нет, могу постоять еще, но вы уже спите больше чем полчаса, и я подумал, что вы можете замерзнуть на таком холоде...

Завадский моментально пришел в себя.

— Что? Вы говорите, что прошло уже полчаса?

Он быстро выскочил из саней и подошел к ближайшему дому. Постучался, а поскольку никто не отозвался, нажал ручку двери и вошел в темный коридор. В доме было пусто.

Беспокойство репортера возрастало по мере того, как он заходил из одного дома в другой: ни одна из хозяек не могла ничего сказать о девушке, которая почти сорок пять минут тому назад исчезла среди построек.

Наконец, какой-то подросток ответил, что он видел девушку в лыжных брюках полчаса тому назад.

Все это не слишком нравилось Завадскому, тем более что уже приближались сумерки, а он не знал, что предпринять. Вернуться в сани и там ждать Гражину?.. А если с ней случилось что-нибудь плохое? А может быть, она его надула и договорилась о встрече с блондином?

Эта последняя мысль разозлила репортера, он сел в сани и приказал вознице возвращаться.

Однако в пансионате он Гражины не застал.

В это время в местном отделении милиции Лах ходил по кабинету из угла в угол.

Любич, сидевший около стола, с каменным спокойствием курил сигарету и пускал клубы дыма. Он делал вид, что его совершенно не касается то, что происходит вокруг.

— Безобразие! — горячился Лах.— Он добьется того, что его сегодня пристукнут. Разведчик, называется... Пусть он мне сегодня даже на глаза не показывается, потому что я за себя не ручаюсь.

Поручик с невозмутимым спокойствием наблюдал, как растет столбик пепла на сигарете. Это спокойствие еще больше раздражало доктора.

— Да скажите вы что-нибудь, наконец, черт вас возьми, а не стройте из себя мумию!

Любич осторожно вытащил изо рта сигарету, стараясь, чтобы столбик пепла не упал на брюки.

— Так может с каждым случиться,— процедил он,— а как, по-вашему, парень должен был поступить? Ехал все время на определенном расстоянии за журналистом и девушкой, а когда увидел, что сани остановились около придорожных домов, проехал вперед на несколько десятков метров и сделал вид, что поправляет сбрую. Что он мог предпринять, если девица не возвращалась, а этот тип через час велел ехать обратно в Закопане? Может, он должен был сделать обыск у гуралей и спугнуть пани Масс?

Лах, круживший по кабинету, остановился.

— Мы не можем терять ни минуты. Берем с собой двух человек и едем.

— Не слишком ли вы спешите? Мы можем себя расконспирировать раньше времени.

Доктор внимательно посмотрел на поручика.

— Да...— буркнул он.— Вы правы.

Он потер ладонью лоб, потом вытащил из кармана помятую коробочку и развернул зеленую мятную конфету. Он сосал ее с благоговением, глядя все время на поручика невидящим взглядом.

— Есть! — улыбнулся он.— Завадский должен заявить о пропаже девушки.

— Нам придется ждать этого дольше, чем мы бы хотели,— заметил Любич скептически.

— Ну, это уж мое дело, чтобы он сообщил об этом.— Лах был уже около вешалки и надевал пальто.— Начинаем операцию.

Окончание. См. «Огонек» №№ 25—28.

Дорога до пансионата, где жил Завадский, заняла десять минут. Гораздо труднее было разбудить репортера, который долго не отвечал на стук в дверь.

— Что это, черт возьми! Кто там ночью не дает спать человеку! — ворчал он, отыскивая в потемках выключатель. Наконец щелкнул замок:

— О, простите, пожалуйста, я разбудил вас? — галантно улыбнулся Лах.

Репортер протирал кулаком глаза.

— Я и не предполагал, что вы ложитесь спать вместе с курами,— продолжал доктор.

— С курами?

— Еще только девять часов, я думал, вы еще не спите и хотел сообщить вам приятную весть. Пожалуй, по такому поводу можно и выпить,— закончил Лах.

Репортер, наконец, пришел в себя и сообразил, что ведет себя не очень вежливо.

— Войдите, пожалуйста, правда, здесь ужасный балаган. После той несчастной ночи я лег немного раньше.

Лах присел на стул:

— Я договорился в отделении о том, что вы просили.

— Я вам обязан до гробовой доски, дорогой адвокат.— В голосе репортера появилась нотка, свидетельствующая о появлении хорошего настроения.

— Ну, это чепуха. Чего не сделаешь для старых приятелей? — Лах добродушно хлопнул репортера по колену.— По этому поводу я приглашаю сейчас вас вместе с пани Гражиной на рюмку коньяку и крепкий кофе. Я подожду вас внизу, в холле,— добавил он, поднимаясь со стула.

Лицо Завадского вытянулось.

— К сожалению, пани Гражина не сможет воспользоваться вашим любезным приглашением. Только я могу пойти с вами.

— А что случилось? — В голосе доктора можно было почувствовать огорчение.

Репортер хмыкнул, закурил сигарету, явно медля с ответом. Наконец он растерянно выдавил из себя:

— Честно говоря, пан адвокат, я не знаю, где она сейчас находится.

Доктор шутливо засмеялся:

— Что, снова небольшая ссора?

Но, выслушав историю о пропаже Гражины, посерьезнел.

— Вы должны сейчас же сообщить об этом в отделение милиции.

— В отделение милиции? — простонал репортер.— Ну, нет, на это вы меня не подобьете. С меня хватит этого отделения на несколько лет вперед. Они подумают, что я снова напился и морочу им голову разными сказками.

— Вы должны об этом сообщить.— В голосе Лаха прозвучала нотка отцовской заботливости.— Если с Гражиной случилось что-либо плохое, первые подозрения падут на вас. А вы действительно хотите впутаться в какую-нибудь историю? — налегал доктор.

— Я уверяю вас, что эта...— тут он прикусил язык,— что с пани Гражиной ничего не случилось, и она, наверное, развлекается с этим типом, из-за которого я несколько часов провел в камере.

— Я вовсе не утверждаю, что с вашей приятельницей случилось что-то плохое. Но достаточно одного шанса из ста, чтобы оказаться за решеткой, вы уж мне поверьте. Я ведь кое-что в этом смыслю.

Видимо, последний аргумент оказал свое воздействие, потому что репортер открыл шкаф и достал рубашку и костюм.

Лах встал со стула и взялся за шляпу.

— А завтра я к вам забегу, может, во время обеда и узнаю, нашлась ли она,— говорил он, пожимая репортеру на прощание руку.

Выйдя на улицу, доктор взглянул на часы. Не прошло еще и получаса с момента разговора с поручиком. Он ускорил шаги и через несколько минут оказался перед зданием местной комендатуры, где его уже ждал в машине Любич вместе с двумя милиционерами в форме и сотрудником в штатском. Шофер завел мотор, и машина тронулась. Лах по дороге инструктировал Любича:

— Если вы найдете девушку у какого-нибудь гураля, объясните ей, что Завадский подал заявление о ее исчезновении. Ни в коем случае нельзя ее задерживать или допрашивать. Попросите только, чтобы завтра зашла в отделение для исполнения формальностей, связанных с заявлением о розыске. Вы должны быть очень любезны и тактичны, чтобы не спугнуть ее. Оставьте только одного сотрудника где-нибудь около дома, но не слишком близко... В любом случае, если найдете пани Масс, ни на минуту не выпускайте ее из виду.

— Мы приехали,— доложил сидящий рядом с шофером сотрудник.

Оперативная группа вышла из машины. На месте остался один Лах.

Медленно текли минуты. Уже через пятнадцать минут доктору стало холодно. Он вышел из машины и притопывал вокруг нее, погруженный в невеселые мысли. Дело Гурского остановилось на мертвой точке, если не принимать во внимание факта заманивания Бруннера и раскрытия Зелинского. Однако все это еще не обеспечивало быстрой поимки опасного агента, который в любой момент мог оказаться далеко. Лах также хорошо помнил заявление, сделанное им несколько дней назад майору Яруге.

Внезапно заскрипел снег под чьими-то шагами. Лах вздрогнул. Со стороны поселка приближалась черная высокая фигура. По акстиному шагу доктор узнал Любича.

— Все в порядке,— сказал поручик, закуривая сигарету.

— Вы нашли ее?

— Нет, но мы узнали нечто интересное.

К машине подошли два милиционера и шофер. Любич открыл дверцу.

— Едем, по дороге я все вам расскажу.

Машина рванулась с места. Поручик закурил сигарету, затянулся дымом и сдвинул шляпу.

— Гражина Масс провела сегодняшний вечер в доме Шецких. Когда появился тот ваш журналист, Шецкая сказала, что никого чужого не видела. Она обманула его, потому что получила сто злотых от курортника, который живет у нее.

— Что это за курортник?

— Очень элегантный мужчина, по крайней мере такого мнения о нем Шецкая.

— Меня не интересует мнение какой-то там Шецкой,— пробурчал Лах.— Что это за тип?

— Пока это трудно установить, так как вместе с пани Масс он покинул дом Шецкой вечером, сказав, что должен вернуться в Варшаву.

— Да, я забыл вам сообщить еще об одной, впрочем, маловажной, подробности,— добавил с невинной миной Любич.— У этого курортника нога была в гипсе. Несчастный случай во время спуска с Каспровой.

Лах в этот момент напоминал змею, которой наступили на хвост.

— Что! — прорычал он.— Этот негодяй сидел тут у меня под носом все время! Газу! Вы не слышите, что я говорю?!

Крик доктора поразил шофера до такой степени, что вместо того, чтобы нажать на педаль скорости, он резко затормозил.

Милицейская «Варшава» развернулась и боком скатилась в придорожный ров.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шофер с помощью нескольких местных силачей благополучно вытащил машину из рва.

— В Поронин, быстро! — торопил Лах.

— Чтобы снова приземлиться во рву? Дорога обледенела, быстрей нельзя.

— Делайте, что хотите, но через десять минут мы должны быть там.

— Поезд в Краков отходит через восемь минут,— заметил ядовито Любич, поглядев на часы.

Несмотря на то, что шофер делал все, что мог, чтобы увеличить скорость, его усилия ни к чему не привели. Шоссе настолько обледенело, что ехать было почти невозможно. Когда они, наконец, оказались на шоссе, ведущем прямо на Поронин, прошло шесть драгоценных минут.

— Убить мало этих дорожников,— без всякого снисхождения шипел доктор.

Прошло еще пятнадцать минут, прежде чем за поворотом показались первые строения Поронина.

Как назло, улицы городка были забиты в этот день многочисленными гуральскими санями. Извозчики, возвращающиеся с ярмарки, вовсе не торопились уступить место машине.

Любич, с самого начала убежденный, что они не успеют к краковскому поезду, с олимпийским спокойствием курил сигарету. Когда, наконец, «Варшава» подъехала к вокзалу, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что поезд давно ушел.

Лах выскочил из машины и побежал на перрон, где стремительно набросился на идущего вдоль путей железнодорожника.

— Вы не видели человека, у которого нога в гипсе?

— Вы что все с ума посходили? Уже третий раз у меня сегодня спрашивают о человеке с ногой в гипсе,— отшатнулся железнодорожник.

— Спрашивал такой толстый? Похож был на немца, да?

— Верно,— подтвердил тот.

— Это важная птица, этот с ногой в гипсе. Сами, наверно, заметили?

— Важная ли, не знаю, но что с деньгами — это факт. Он сюда еще должен вернуться. Ведь не оставит он здесь такой кофр.

— Что? — кричал Лах.— Он оставил кофр?

— Раз я говорю, что оставил, значит, оставил. Я сам у него принимал его, думал, что надорвусь, когда тащил его в камеру хранения. Черт знает, что у него там,— флегматично ответил железнодорожник.

— Покажите нам сейчас же этот кофр,— вмешался Любич, который как раз подошел к говорившим.

— А вам-то какое дело? — неприязненно спросил работник станции.

— Милиция! — Любич вытащил служебное удостоверение и, не давая железнодорожнику опомниться, добавил: — Проводите нас в камеру хранения.

— Коллега, откройте этот кофр,— распорядился Лах.— Я тем временем зайду к начальнику станции.

— Его вовсе не так легко открыть, пан...— Железнодорожник приглушил голос, не зная, как обратиться к Любичу. Поручик догадался, на чем споткнулся приемщик багажа, и улыбнулся.

— Можете обращаться ко мне без титулов, а с кофром мы сейчас справимся. У вас, наверно, найдется здесь молоток и кусочек проволоки?

— Найдется.— Железнодорожник смотрел на Любича с возрастающим интересом.

— Ну что ж, несите, жаль терять время.

Железнодорожник подошел к стоящему в углу ящику и через минуту принес несколько кусочков проволоки.

Любич взял тонкую стальную проволоку и изогнул ее, расплющив конец. С этой импровизированной отмычкой подошел к кофру и попытался открыть замок. Отмычка не подошла, но после нескольких ударов по проволоке замок открылся. Удивленный железнодорожник буквально открыл рот, когда Любич привычным движением открыл крышку кофра.

— Ну, так, именно этого я и ожидал,— спокойно произнес поручик.

Лицо кладовщика покрылось мертвенной бледностью. В кофре лежал труп молодой девушки.

— О боже! — простонал железнодорожник.

Поручик положил труп на грязный пол. Стеклянными, как бы удивленными глазами смотрела Гражина Масс. Она была в синих эластичных брюках и белой куртке с капюшоном. На шее краснела шелковая косынка. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что именно этот кусок шелка был орудием убийства.

— У...удушена,— еле выговорил кладовщик.

— Ясно, что удушена,— Любич внимательно осматривал труп. Он наклонился и разжал судорожно сжатую ладонь. Из нее выпал маленький треугольный кусочек картона. Поручик подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть его. В этот момент в камере хранения появился доктор.

— Все отлично, поручик...,— он замолчал, заметив лежащий на полу труп.

— Что это? Ах, да... Честно говоря, я ожидал этого...— Лах делал вид, что ни на минуту не утратил присутствия духа.— Что вы там нашли? — добавил он, подходя к окну.

— Если не ошибаюсь, уголок от фотографии пана Гурского.

Лах быстро вытащил фотографию из бумажника и вручил ее поручику.

— Подходит,— подтвердил он.

— Ну, делать здесь больше нечего. Сейчас здесь появится местная милиция, я позвонил. Я предупредил также и Краков. А мы едем...

Лах не успел закончить предложение, как в дверях появился заспанный милиционер.

— Докладывает сержант Платек. Ваши документы, пожалуйста.

Лах и Любич молча предъявили свои удостоверения. Сержант внимательно просмотрел их, сравнил фотографии с оригиналами и, возвращая документы, вытянулся:

— Спасибо. Я в вашем распоряжении!

— Один? — возмутился Лах.

— Сейчас придет коллега.

— Совершено убийство, сержант...— Лах посмотрел на Любича, но поручик явно не собирался вмешиваться в разговор.— Убийца известен. Мы его преследуем. Однако есть опасение, что он нелегально пересечет границу.

— Я должен предупредить погранпосты? — спросил сержант.

— Я уже это сделал. Вы займитесь перевозкой трупа и проследите за вскрытием. Известите также местного прокурора. Это все.

— Личность жертвы мы установили,— флегматично вмешался Любич.— Запишите: Гражина Масс, проживающая в Лодзи. Известите шифровкой лодзинскую милицию и, ссылаясь на наш приказ, предупредите, чтобы они сохранили все происшествие в тайне. Перешлите также подробный протокол осмотра трупа и кофра, как можно точнее опишите, как выглядит жертва, ее одежда, и допросите как свидетеля вот этого гражданина,— указал он на железнодорожника,— и семью Шецких из горного поселка.

— Докладываю, что необходимо будет допросить половину жителей. Там почти каждая семья носит эту фамилию.

— Установите тогда, у какой Шецкой снимал комнату мужчина, у которого нога в гипсе. Привезите ее сюда и выясните, видела ли она когда-нибудь эту девушку.

Любич шарил по карманам в поисках сигареты.

— Само собой разумеется, нужно все организовать, не вызывая излишней сенсации. Прошу вас также обязать присутствующего здесь железнодорожника соблюдать служебную тайну.

— Слушаюсь! — Железнодорожник выпрямился, гордый оттого, что он принимает участие в этом деле.

— Это все. Теперь мы можем ехать.

Лах вытащил из коробки две мятные конфетки и положил их под язык. Он быстро вышел из камеры хранения, за ним Любич, дымя сигареткой. В молчании они заняли места в ожидающей их «Варшаве».

— В Краков! — приказал доктор.

В дороге Лах и Любич не разговаривали. Доктор был погружен в размышления, а поручик без всякого интереса рассматривал проносящийся мимо горный пейзаж. Видимо, желая угодить, шофер выжимал из машины максимальную скорость, пользуясь тем, что шоссе было посыпано песком.

На горизонте уже показались крыши Кракова, когда Лах заговорил:

— Ковалик должен ждать нас. Я предполагаю, что у него есть новости.

— А я вовсе не убежден в том, что Гурский поехал в Краков,— буркнул Любич.

— Железнодорожник, который его видел, сообщил, что он сел в краковский поезд. Конечно, он мог выйти в Новом Тарге, на Сухой или где-нибудь еще. Мне кажется, он вышел на Сухой.

— Почему именно на Сухой? Он мог пересесть в поезд, идущий в Бельск, или дальше, в Катовицы, Ополе и Вроцлав. Или же сейчас он по дороге к Висле. В конце концов мы об этом узнаем от Ковалика.

Честно говоря, поручик не очень многое понял из выводов Лаха. Ясно было только одно: птичка выпорхнула из расставленных силков, и поймать ее теперь будет не просто.

— Остановитесь! — приказал Лах шоферу.

Когда машина остановилась, скрипя тормозами, около ошарашенного милиционера из автоинспекции, доктор опустил стекло и позвал:

— Подойдите-ка сюда, приятель!

Этот фамильярный тон не очень понравился стражу порядка. Подходя к машине, он уже рылся в своей сумке, разыскивая бланк штрафа. Однако настроение его резко изменилось при виде удостоверения доктора. Видя, что милиционер становится по стойке «смирно», чтобы отрапортовать представителю властей, Лах быстро сказал:

— Садитесь рядом с шофером и проводите нас самой короткой дорогой до вашего телевизионного центра. Включить сирену!

Через некоторое время по узким улицам Кракова мчалась голубая «Варшава». Надо сказать, что милиционер отлично справился с заданием, и через три минуты остановил машину перед воротами телецентра.

Как всегда в таких случаях, Лах выскочил из машины как пуля, и Любич едва поспевал за ним. Милиционер неизвестно почему решил сопровождать важных персон из Варшавы.

— Что вам нужно? — остановил их охранник.

— Скажите-ка, дорогой, где нам быстрее найти ответственного редактора сегодняшней программы,— обратился к нему Лах, показывая служебное удостоверение.

Охранник спокойно просмотрел документ и, взглянув на фотографию, равнодушным тоном сообщил:

— Нельзя.

— Что значит нельзя! — взорвался Лах.— Вы же видите, кто я.

— А мне все равно, кто вы. Нельзя, и все.

— Почему? — вмешался Любич, видя, как краска заливает лицо Лаха.

— Потому что было такое распоряжение.

— А кто может разрешить? — Любич не терял надежды договориться с охранником.

— Только пан директор,— с почтением известил их охранник.

— Прекрасно, а где он?

— А кто его знает, может быть, дома, может быть, здесь, в городе, может быть, уехал...

Это было уж слишком, терпение доктора Лаха иссякло. Как бильярдный шар, он промчался мимо удивленного охранника и в мгновение ока оказался на лестнице.

Стражник в первую минуту остолбенел, но сразу же пришел в себя и, хватаясь за служебный пистолет, рявкнул:

— Стой!

— Оставь, дорогой, эту игрушку! — Любич так стиснул руку охранника, что тот даже присел.— Займитесь им, чтобы он здесь не натворил глупостей,— обратился поручик к милиционеру.

Сказав это, Любич направился вслед за доктором, которого застал в комнате ответственного за программу. Лах как раз очень любезно объяснял, что редактор должен, не теряя ни минуты, дать в эфир одно сообщение.

— Эту фотографию, как вы знаете, уже неоднократно показывали по телевидению, теперь вы должны ее показать снова со следующим призывом: «Внимание! Внимание! Граждане, проживающие на территории Горного Шленска, на вашей территории скрывается опасный преступник. Особая примета: левая нога в гипсе. Вниманию жителей Катовиц, Ополе, Вроцлава и Познани! Не исключено, что преступник ищет убежища в ваших городах! Обнаруживший преступника должен немедленно известить об этом ближайший пост милиции!»

— Я должен связаться с Варшавой, чтобы получить разрешение,— любезно ответил редактор.

— Соединитесь скорее, я сам с ними поговорю,— торопил Лах.

Через несколько секунд Варшава была на проводе. Доктор взял трубку и проинформировал дежурного директора телецентра в Варшаве о необходимости передачи этого призыва. Как видно, голос Лаха звучал достаточно решительно, потому что он сразу получил согласие. Таким образом, через несколько минут фотография так называемого Гурского появилась на экранах телевизоров по всей стране.

— Ну, теперь ему жарко! Поехали, поручик! — Лах потер пухлые ладони.— А вас я сердечно благодарю,— он с галантностью поклонился краковскому редактору.

Когда они снова заняли места в машине, Любич флегматично заметил:

— Мы переполошили Бруннера.

— Каким же это образом?

— До сих пор по телевизору показывали только портрет Гурского, а сейчас фотографию, это его встревожит.

— Не думаю. Бруннер наверняка сейчас не смотрит телевизор. И потом он и так узнает, раньше или позднее, что мы нашли фотографию при трупе Гражины. Кроме того, я уверен, что нас уже ждет донесение из Сухой.

В этот момент машина остановилась около комендатуры. Воеводский комендант уже ждал доктора и Любича. Здороваясь с ними, зычным голосом объявил:

— У меня для вас приятная неожиданность. Звонили с нашего поста в Сухой. Там видели этого гостя, когда он садился в поезд до Бельска. Его сразу узнали и сообщили. Вот как у нас работают! — заметил он не без гордости.

Уже неизвестно, в который раз Любич с удивлением смотрел на Лаха, однако на доктора эта новость не произвела никакого впечатления.

— Спасибо, полковник. Ждет ли меня здесь поручик Ковалик?

— Да, в моем кабинете.

— Хорошо, идем, дорога каждая минута. Я прошу вас только известить все посты на территории юго-западных воеводств, чтобы донесения направляли прямо сюда.

При виде доктора Любича Ковалик сорвался с кресла. Его лицо носило явные следы усталости и недосыпания. Под ввалившимися глазами обозначились темные круги. Лах же, как бы не замечая этого, весело закричал:

— Что вы нам скажете нового, дорогой? Я надеюсь, вы не упустили из виду нашего коммерсанта? Угощайтесь конфеткой и садитесь,— доктор пододвинул Ковалику кресло,— и расскажите все по порядку.

— С Бруннером у меня было много хлопот, и не только у меня. Его особой занималось более двадцати сотрудников из разных воеводств. Это истинный сатана... Он успел уже в это время побывать во Вроцлаве, куда меня вызвали, поскольку прикомандированные к нему работники не могли справиться. Он водил их за собой десятки километров. Прибыв во Вроцлав, уже в первую ночь он пытался убежать из отеля, хорошо, что одна из сотрудниц проводила эту ночь в холле и имела под рукой машину, похожую на такси. Бруннер опять сел в такси Миллера и ездил с ним по городу два часа. Похоже на то, что он догадался, что кто-то следит за ним. Не знаю, то ли Бруннер не имел другого выбора, то ли это входило в его планы, но он вернулся в отель и добродетельно отправился спать. Миллер сразу после разговора с Бруннером куда-то поспешно звонил из автомата, содержание разговора установить не удалось. Потом работал как обычно, развозя пассажиров. Только значительно позднее он направился в полуразрушенный нежилой дом в центре города. Не успели вроцлавские работники пуститься по его следу, как пташка успела упорхнуть. Дом был пуст, и, как потом оказалось, подвалами можно было добраться до четырех разных улиц. К оставленному такси Миллер вернулся только через три часа, поехал домой и никуда не выходил до следующего вечера. Он живет с женой, а в квартире нет телефона.

Бруннер встал около полудня и направился в кооператив, изготовляющий кожгалантерею. После очень оживленной и профессиональной дискуссии с дирекцией он выбрал несколько образцов и договорился о сроках поставки. Затем направился с представителями дирекции на торжественный обед в «Монополь». Во время этого обеда произошло интересное происшествие. В какой-то момент Бруннер украдкой посмотрел на часы, извинился и пошел в туалет. Он вошел в кабину и через минуту вернулся к столу.

— Гм, вещь достаточно натуральная и понятная,— улыбнулся Лах.

— Да, если бы не то, что через три минуты после Бруннера из той же кабины вышел другой человек. Коллега из Вроцлава, который наблюдал за холлом ресторана, сообразил это только тогда, когда неизвестный заводил мотоцикл, стоящий перед рестораном. Он выскочил

на улицу, но, прежде чем его машина двинулась, мотоциклист исче- в одной из боковых улиц.

— Как я вижу, пост во Вроцлаве не может похвастаться выдающимися успехами.

— Не совсем. Коллега запомнил номер мотоцикла и вызвал радиомашину службы движения. Минутой позже ему доложили, что мотоциклиста задержали на шоссе, ведущем в Згожелец. К нему начали придираться, мотоциклист стал нервничать и обругал представителя власти. Ну, это было основанием для того, чтобы привести его в отделение. Обыск проводили наши лучшие специалисты и не нашли ничего, кроме пачки сигарет, на которой было написано несколько цифр. Их переписали, а пачку отдали владельцу. Самое интересное то, что этот мотоциклист, как оказалось, родной сын таксиста Миллера. Ему двадцать девять лет, и он работает монтером на одной из строек.

— Вы послали переписанные цифры в шифровальный отдел?

— Конечно. Но расшифровка продолжалась довольно долго. Наконец мы получили текст, из которого тоже трудно что-либо понять: «В Згожельце на вокзале живет тетка». Тем временем Бруннеру звонила какая-то женщина из Лодзи и сообщила, что Янек просит как можно быстрее вернуться. Мы установили, что звонила одна из знакомых нашего «инженера», которого до сих пор мы ни в чем не могли заподозрить. А Бруннер поездом вернулся в Лодзь. На следующее утро он в одной из фирм подписал договор о поставке кожаных изделий. Угостив старого курьера сигаретой, он спросил его, как добраться до Волчанской улицы.

— Надо полагать, курьер не закурил эту сигарету,— вставил Лах.

— Действительно, не закурил, только заботливо спрятал в карман и завернул в бумажку. Чуть позднее на него напали хулиганы, они вошли в холл и начали крутиться вокруг него. Когда он сделал им замечание, они толкнули его раз-другой, тогда он начал громко звать милицию.

— Забавно,— заметил Лах.

— Не очень,—ответил Ковалик.—Один крепкий сержант так меня огрел дубинкой, что мне небо показалось с рогожку. Но что самое важное, мы достали эту сигарету, в которой оказалась микропленка.

— Идиоты!

Доктор Лах покраснел от злости.

— Не такие уж идиоты,— ответил Ковалик.— Когда старик пришел в себя, сигарета была уже на своем месте в кармане. Правда, в ней находилась уже совсем другая пленка, а ночью, когда курьер спал, как суслик, в чем мы ему тоже помогли, подлинная пленка вернулась на свое место.

— Мотоциклист из Вроцлава за решеткой, старый курьер из Лодзи избит. Не думаете ли вы, что Бруннер настолько глуп, что поверил в эти случайности?

— Наверное, не поверил, но что же нам оставалось делать? Курьер после этой стычки с хулиганами настолько обалдел, что отнес ему пленку обратно в отель. Видимо, получил там по физиономии, потому что, когда он вышел, левая щека его горела. Мне его не жалко, он работал в жандармерии во время оккупации. После войны отсидел свое и поступил работать курьером. А на пленке был ряд снимков разного характера, отснятых в научно-исследовательском химическом институте.

— Ну что же, ничего нового.

— Именно. На другой день Бруннер был уже снова в Кракове, а сейчас он опять направился во Вроцлав. С ним едут наши краковские сотрудники.

Доктор вскочил со стула.

— Мы должны привести в состояние боевой тревоги все пограничные посты около Згожельца, похоже на то, что по крайней мере в двух пунктах будут совершены попытки пересечь границу. На всякий случай следует также известить полицию ГДР, а мы должны быть не позже чем через два часа в Згожельце. Игра кончается.

Погода была отвратительная. Начинался дождь со снегом, и видимость не превышала ста метров. На Краковском аэродроме около небольшого самолета собралась группа людей. Кроме доктора Лаха, Любича и Ковалика, здесь были еще майор из Кракова, комендант аэродрома и пилот.

— В таких условиях я не могу вам гарантировать безопасность полета,— предупредил комендант.

— Этот полет имеет государственное значение,— серьезно сказал Лах.

— Ну, если дело обстоит так, то я не возражаю,— согласился комендант.— Поручик,— обратился он к пилоту,— прошу вас ни на минуту не прерывать связи.

— Слушаюсь! — отчеканил пилот и занял свое место. За ним в молчании забрались в самолет остальные трое.

После многих усилий пилот наконец развернул машину и стартовал. До самого Вроцлава ветер трепал самолет, как сухой лист. У пассажиров было впечатление, что они находятся на качелях.

Через час небо прояснилось, ветер утих, и пассажиры увидели под собой город.

— Вроцлав,— доложил пилот через микрофон. Он совершил круг над городом. Не прошло и получаса, как колеса самолета уже катились по траве аэродрома в Згожельце. Бедный Ковалик, выйдя из машины, производил впечатление совершенно пьяного. Любич вышагивал подозрительно прямо, зато доктор побежал на своих коротких ножках в сторону военного «газика» так резво, как будто его только что разбудили после обеденного сна.

Уимблдонский турнир теннисистов в Англии называют неофициальным первенством мира. Выступавшие на этом турнире москвичка Ольга Морозова и тбилисец Александр Метревели стали первыми советскими теннисистами, которые добились права выступать в финале этих соревнований. В полуфинале они одержали победу над австралийцем Фредом Столле и англичанкой Энн Джонс. Хотя в финале советским теннисистам и не удалось добиться победы, их выступление показало, что искусством этой игры они владеют великолепно.

На снимке: О. Морозова и А. Метревели (слева).

Фото ЮПИ.

Около машины гостей ждал офицер пограничных войск.

— Все готово,— доложил он.— Немец все время находится под нашим наблюдением. Сейчас он как раз обедает в ресторане отеля. До сих пор ни с кем не контактировал. Граница в состоянии полной боевой готовности. Мы уведомили пограничников из ГДР.

— Хорошо, едем на заставу.

Машина тронулась и через пятнадцать минут оказалась перед зданием пограничного пункта. Не теряя ни минуты, Лах, Любич и Ковалик прошли в зал, где радиотелеграфисты принимали донесения со всех постов.

Внезапно один из радиотелеграфистов снял с головы наушники.

— Товарищ майор! Незнакомая станция передает текст шифром где-то поблизости.

— Выслать пеленгаторы,— приказал майор,— и продолжать слушать!

Какое-то время царила напряженная тишина.

— Товарищ майор,— сорвался другой телеграфист,— начальник поста 655 докладывает, что в пограничной полосе задержал хромого пастуха с коровами.

— Идиот! — бросил майор.— У пастуха убежала корова, а вы мне в такую минуту забиваете голову глупостями. Пусть...

— Пусть сейчас же задержит этого пастуха, обыщет его, проверит у него, нет ли чего во рту, и под конвоем пришлет сюда.— Лах подскочил к телеграфисту, который удивленно смотрел то на своего начальника, то на толстяка, распоряжающегося, как у себя дома.

— Исполнить! — Майор молниеносно сменил тон.

— Попался! — Доктор потер руки и начал быстро ходить.

— Через минуту вы лично познакомитесь с паном Яном Гурским, только бы он не успел использовать цианистый калий.

— Товарищ майор! — В зал вошел командир взвода.— Мы нашли незнакомую радиостанцию, передает тот немец из отеля. Что делать?

— Ничего,— распорядился Лах,— пусть себе передает на здоровье. Только записывайте на магнитофонную ленту.

И снова радиотелеграфисты-пограничники не могли понять, в чем причина, что этот пожилой штатский отдает приказ не мешать незнакомой радиостанции. Однако это был для них не последний случай удивиться, потому что четыре рослых солдата внесли в зал связанного, как баран, старого и грязного пастуха, в порыжелом пальто.

Лах молниеносно оказался около него.

— Было у него что-нибудь во рту?

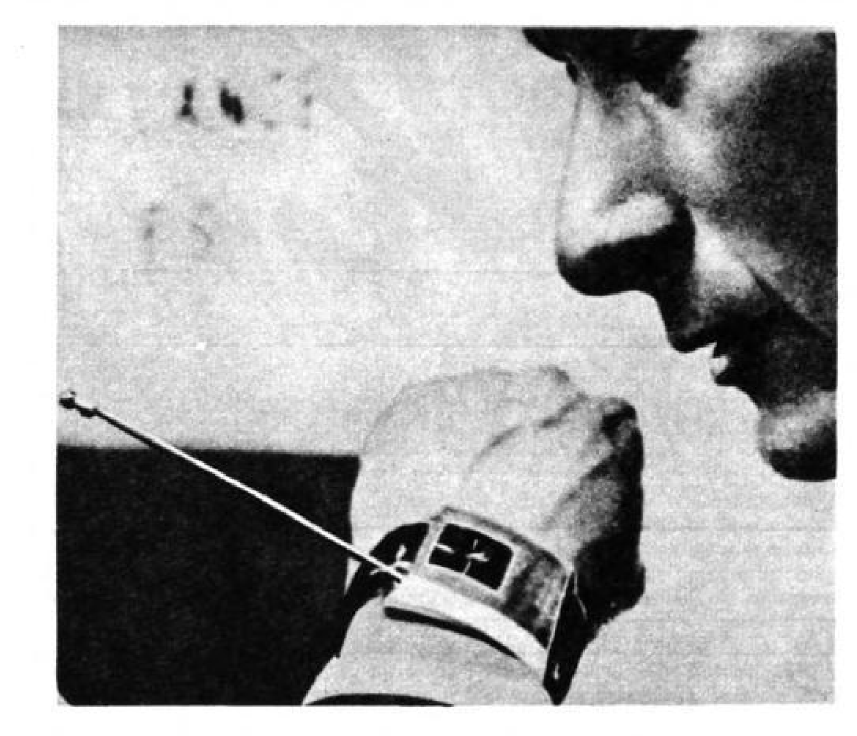
— Да,— ответил капрал, вошедший вместе с солдатами,— такая маленькая трубочка. Но я его неожиданно схватил за горло, и он ее выплюнул.— Он подал доктору стеклянную ампулку.

— Пан Корш, игра окончена. Может быть, мы с вами побеседуем немножко? — обратился Лах к связанному.

Пастух, однако, издавал какие-то нечленораздельные звуки.

— Ну к чему эта комедия, пан Корш! Сейчас вы увидите собственной персоной своего доро-

РАДИОСТАНЦИЯ НА РУКЕ

Одна американская фирма выпустила наручные часы, в которые вмонтирован миниатюрный радиоприемник и передатчик.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬНИЦ ЧАЯ

Название этой шляпы, представленной на одной из лондонских выставок,— «Время чая».

МИНИ-ТЕЛЕВИЗОР

Японская фирма «Стандарт» выпустила самый маленький в мире телевизор. Его экран имеет размеры 7,5 × 7,5 сантиметра.

ШАЙБУ!.. ШАЙБУ!..

Эти шимпанзе восхитили парижан своим умением играть в хоккей. Правда, правила игры они соблюдают недолго. Через некоторое время начинается драка клюшками.

гого шефа Мишке и других знакомых. Определенно стоит быть более разговорчивым. Интересно, где вы раздобыли эту одежду?

Связанный молчал.

— Нехорошо, пан Корш, игра окончена. Нужно уметь проигрывать.

Майор Яруга с удивлением, но и с явным беспокойством присматривался к доктору, который уселся в глубокое кресло и положил перед собой коробочку с мятными конфетами. Он ведь знал, что у Лаха есть слабость — организовывать театральный финал для каждого проведенного им дела.

— Через минуту позволю себе представить пану майору всех актеров начавшейся в отеле «Столица» драмы, потому что это была действительно драма: трое поплатились жизнью. Однако к делу. Начнем.

Доктор вскочил с кресла и открыл дверь в коридор. В комнату вошел пожилой, седоватый мужчина, очень старательно одетый.

— Пан Губерт Корш,— представил Лах,— или Ян Гурский. Во время войны работал в гестапо, после войны остался в Польше и уже с 1948 года работал для Гелена. Имел у нас старую и большую шпионскую сеть, но, как сам говаривал, каждый должен когда-то идти на пенсию. Гелен, однако, не предусматривает этого для своих агентов. Итак, пан Корш решил сам обеспечить себе спокойную старость. Он присмотрел соответствующего человека, убил его и создал полную видимость, что Ян Гурский совершил самоубийство. Он не предвидел только одного: расследование этого дела взял в свои руки поручик Филипп Любич.

Тут доктор открыл дверь в соседний кабинет и пригласил ожидавшего там поручика.

— Спасибо вам, поручик. Если бы вы с самого начала не заподозрили, что самоубийство инсценировано, не знаю, имели ли бы мы сейчас удовольствие видеть здесь господина Корша.

— Пижама была мала,— буркнул поручик, чувствуя бессмысленность этого заявления.

Доктор снова открыл дверь жестом профессионального швейцара и объявил:

— Господин Георг Мишке, или же Герман Бруннер, подполковник, промышленник из Бремена. Господин Мишке, обратите внимание, какой глупый вид у Корша. Мало того, что он сам дезертировал, он и вас втянул в неприятности. Пан Мишке — начальник польского отдела контрразведки,— объяснил Лах,— и, честно говоря, у меня не было большой надежды на то, что когда-нибудь смогу познакомиться с ним лично. Вернемся к вам, пан Корш. Вы ведь обыкновенный убийца. Зачем вы убили эту глупую девицу? Что это вам дало? Ничего. Только ускорило погоню, потому что вас ведь искал и инженер Рекун. Вот он.

Доктор пригласил мужчину, который в Закопане выступал как Сильвестр Зелинский.

— Пан инженер Даниэль Рекун. Честно говоря, засыпался очень быстро. Он так неудачно начал работать в институте, что это очень быстро дошло до ушей поручика Ковалика.

Потом наступила очередь двух мужчин — старого и молодого.

— Отец и сын Миллеры из Вроцлава. Папочка, старый агент абвера, остался в Польше по его приказу. Но у нас есть и женщина, родственница пана Корша.

В кабинет вошла пожилая женщина в очках.

— Расшифрованное сообщение, говорящее о тетке в Згожельце, было правдой. Мы уже давно знали, что главный резидент в Польше носит фамилию Корш, и проводили проверку всех лиц с этой фамилией. Пани Корш, кассирша на вокзале в Згожельце, была нам также известна, между прочим, и потому, что на ее адрес пришли когда-то две очень интересные почтовые открытки, в которых под невинным содержанием скрывался зашифрованный приказ для Корша.

Привели, наконец, старого курьера, которого побили хулиганы.

— Коваль совершенно глуп, пан Мишке. Он выложил сразу все, что знал, и вы не должны были соглашаться на то, чтобы Корш завербовал его. А вот и остальные...

В кабинет по очереди вошли несколько мужчин и женщин.

Лах объявил:

— Шеф краковской сети!

— Резидент из Щецина.

— Агентка из Люблина.

— Прекрасный букет, не правда ли, пан майор? — спросил Лах, доставая из кармана коробку с мятными конфетами.— Угощайтесь, пожалуйста.— Доктор подходил по очереди к собравшимся в кабинете.— Мята прекрасно действует на нервную систему.

Перевод с польского
Г. МЕСНЯНКИНОЙ,
И. ПРОКОФЬЕВОЙ

Какие мы смотрим фи

ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА» ОБСУЖДАЮТ ПИСЬМО «ЯДОВИТАЯ КИНОПИЩА»

Письмо нашего читателя тов. Строганова, бригадира наладчиков из Калининграда, «Ядовитая кинопища», напечатанное в № 21 «Огонька», затронуло касающуюся всех, большую и серьезную тему. И вот в редакцию полетели читательские отклики!.. Приходится только пожалеть, что журнал не имеет возможности напечатать все письма своих читателей. Прежде всего хотя бы потому, что все они, без исключения, говорят о неравнодушном, подлинно заинтересованном отношении советских людей к искусству, к поднятой на страницах нашего журнала важной идеологической проблеме.

Обсуждая письмо тов. Строганова, читатели сообщают не только о своем отношении к зарубежным фильмам, а затрагивают многие вопросы воспитания народа, молодежи. Большая часть писем подтверждает позицию тов. Строганова: их авторы категорически отстаивают те высокогуманные принципы киноискусства, ту эстетику, которая неотрывна от нравственного кодекса, морали и этики строящегося коммунизма.

Впрочем, и читатели, спорящие в своих письмах с тов. Строгановым, отнюдь не опровергают его эстетических воззрений. Просто они убеждены, что на честную, неиспорченную натуру молодого человека не может повлиять никакой дурной фильм.

— Мы хотим знать все, что происходит в мире! — заявляют авторы этих писем — старшеклассники, студенты, молодые рабочие...

Иные письма как-то особенно взволнованны, проникнуты горячим чувством личной человеческой ответственности за все, что происходит в жизни — отнюдь не только на экране! Отталкиваясь от поставленной проблемы и развивая ее дальше, авторы таких писем говорят о связи между искусством и людьми — связи, особенно сложной и тесной в наши дни.

Редакция получила к началу июля сотни писем. Часть из них — к сожалению, лишь очень и очень небольшую — мы публикуем сегодня в номере. Очевидно, они вызовут новую волну откликов, новый обмен мнениями, новые предложения.

Мне показалось, что письмо «Ядовитая кинопища» написала я сама — так похожи мысли! Мне 40 лет. Я рабочая свиносовхоза «Ейский», Краснодарского края. В сельской местности кино смотрят все: малыши залезут в окно, проберутся и под ногами и как хочешь — тут не уследишь! Я заграничные фильмы смотрю с интересом, чтобы лучше узнать другие нравы и быт. Но как задевает меня, когда рядом девушка или юноша в 17—18 лет ахают, восхищаясь ловкостью шулера или убийцы, а на мои замечания отвечают с усмешкой, что я, дескать, невежда старая, ничего не понимаю в жизни. Вот на экране — это, дескать, жизнь! Там жить можно легко, если ум есть, не то что у нас — сей да паши!..

Мы очень редко видим советские фильмы. Где они?!. Создается впечатление, что наши студии вымерли!..

Екат. КАЛИТИНА

Ейск, Краснодарского края.

* * *

Я хочу привести пример из своей личной жизни. Сама я росла в хорошей семье, а я была моральный урод в полном смысле слова. Я могла стащить, украсть, обмануть... Подражала я киногеронне Соньке, которая строила Беломорканал. Пятнадцати лет я попала в тюрьму за обман и кражу...

Как теперь тяжело все это вспоминать!.. Потом бросила училище — искала путь к романтике! Все наставления принимала за оскорбление!.. Но к 18 годам мне встретился человек, который, как говорили на жаргоне, «завязал». Мы с ним вспоминали прошлое, и мне становилось стыдно и неловко...

Помню, он рассказал, что, когда уже стал мастером производственного обучения, его, как хорошего работника, выбрали на слете трудовых резервов в президиум. И вот тогда он дал себе клятву: «Ни одного своего ученика не отпущу в коварную и дурную жизнь! Всем помогу стать настоящими людьми!»...

Свое слово он сдержал. Я не пишу вам его фамилии: он может обидеться, — ведь он доверял свою тайну только мне.

Пути наши потом разошлись. Живя в Джезказгане, я поняла, сколько хорошего и полезного могут сделать друг другу люди. Если бы мне встретился такой «тип», каким я раньше была сама, — с такими же делами и мыслями, — я бы тоже постаралась помочь ему. Вот почему я откликнулась на письмо «Огонька». У меня два сына, и я очень волнуюсь, когда в кино показывают разврат, выпивку, а уж там, где пьянка, там добра не жди!..

После кино «Фантомас» почти ежедневно мы из почтового ящика вынимали записки: «Вас посетит Фантомас»... Ну, это делают дети, это пустяки. Но как же быстро дурное прививается и более взрослым детям! Как надо их оберегать! Конечно, я постараюсь приложить все усилия, чтобы воспитать сыновей, постараюсь отвлечь их от дурного. Но надо больше показывать детям, где зло и где добро!

Р. ЛУКЬЯНОВА

Джезказган.

* * *

Если ребенок с детства не видел дома драк, ругани, разврата, пусть он посмотрит тысячу «плохих» фильмов, он ни за что не будет подражать увиденному!.. Мне 18 лет; я уже 7 лет смотрю все фильмы — хорошие и «плохие». И у меня ни разу не было мысли подражать какой-нибудь развратной женщине или ловкой девице. Дело совсем не в фильмах! Надо, чтобы дети видели все фильмы, но делали бы для себя определенные выводы. А вот формировать эти выводы должны родители!..

Тов. Строганов пишет, что в 16, 17, 18, 19 лет молодые люди еще не рассуждают здраво. А как же люди в таком возрасте революцию делали и отстаивали ее! А потом фашистов уничтожали!.. В 16 лет выдается паспорт, значит, человек уже не просто мальчишка или девчонка, а гражданин. И он живет по законам нашей страны, выполняет все свои гражданские обязанности. С этого времени он уже по-другому смотрит на жизнь.

Кино — конечно, воспитание. Но оно рассчитано на определенную воспитанность. А какова будет эта воспитанность, зависит от родителей, от семьи. Я утверждаю это как представитель своего поколения!

Любовь ГАВРИНА

Барнаул.

* * *

Непритязательность в отборе зарубежных кинофильмов, вероятно, можно объяснить полным безразличием к судьбам детей и подростков! Хотя кинотеатры получают от этого неплохую прибыль, наше общество может, однако, потерять гораздо больше, показывая эти фильмы. Если вы, товарищи взрослые, приглядитесь внимательнее к своему двору, то увидите на стенах автографы «Фантомасов» от 7 до 17 лет. Мой сосед — второклассник. Просмотрев этот фильм несколько раз, он постоянно старается «убить» кого-нибудь из-за угла игрушечным пистолетом. Знакомая жалуется, что в любое время суток детский голосок возвещает по телефону: «С вами говорит Фантомас! Фантомас!.. Завтра вы будете убиты!» Правда, это малыши. А когда подражают зарубежным нравам юноши и девушки 17—20 лет — это уже опасно для всего нашего общества!

Т. КОГАН

Чимкент.

* * *

Сколько разговоров ведется и по радио, и по телевизору, и в печати об идейном воспитании людей, молодежи! Почему же кино отстает?

Мне кажется, с большим интересом смотрели бы мы фильмы о настоящих людях, а не какие-то пошлости буржуазной жизни. Хорошие фильмы дали бы не меньший доход!

А настроение от зарубежных фильмов всегда портится, потому что думаешь: вот опять эта грязь, опять эта пошлость! Никакой чистоты ни в отношениях, ни в поступках.

В. МОРОЗОВА, техник

Иваново.

* * *

Если спросить у молодежи: «Почему вы поехали на далекие стройки Ангары, в Заполярье?» или «Почему ты стал летчиком, геологом, уехал от мамы, от папы, бросил благоустроенную квартиру?» — они ответят: «В кино показывали трудную, но интересную жизнь; поехал попробовать свои силы, хочу найти себя».

А вот если задать вопрос любому хулигану, жулику и спросить: почему ты стал таким? Ни один не скажет, что вот, мол, я посмотрел кинофильм «Ограбление почтового поезда» или «Черный бизнес».

Нет, не кинофильмы виноваты, а какие-то другие обстоятельства. Я была на педпрактике в г. Челябинске. В общежитии училища жило 68 учащихся без воспитателя, если не считать старой женщины — сторожа. Можете себе представить, что делалось в общежитии!..

Мне часто приходится проходить мимо гастронома, расположенного около ресторана «Урал». И тут тоже никакого фильма не надо!..

Много можно привести примеров плохих, хотя мы все уже к ним привыкли; вот это все и делает из наших подростков плохих людей. А тот, кто пеняет на кинофильмы, просто хочет снять с себя ответственность за воспитание молодежи.

О. Р. УСТЕЦ, инженер

Магнитогорск.

* * *

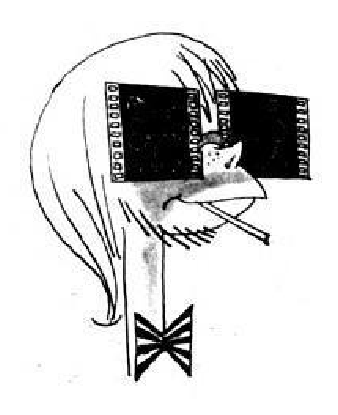
Больница. Большая терапевтическая палата № 1 женского отделения. Здесь более двадцати больных. Среди них оказалась женщина средних лет, бухгалтер. Впечат-

…льмы?

ление оставляет спокойного, отзывчивого, легкого в обращении человека. Много тепла, заботы, внимания и помощи проявляла к больным эта женщина, безусловно культурная, с широким кругозором. Удивляло одно: что-то ее угнетало. Ночью она плакала — горько, неутешно. Вторгаться в душу человека нельзя, да и опасно: надорванная струна может дрогнуть и оборваться… Очевидно, боясь этого, все молчали и ни о чем не спрашивали.

Вдруг в журнале «Огонек» появилось письмо «Ядовитая кинопища». Больные коллективно прочли его, и все обрадовались: наконец-то всплыл в печати актуальный, злободневный, давно назревший вопрос!

Автор прав: давно надо кричать во весь голос о судьбе наших де-

тей, подвергающихся если не губительным, то опасным влияниям. Ужасно то, что подобные фильмы смотрят и в 14—15 и 16 лет: раз «не допускается», значит, необычайно интересно — и дети проникают в кинозал любыми путями! Видно, так «проникала» на фильмы (вместо школы!) четырнадцатилетняя дочь той больной, о которой я сказала вначале. Она ушла из семьи неведомо куда, тайком. Розыск идет уже много месяцев, но пока вестей о девочке нет. Где она? Что с ней? Жива ли? Ничего не известно!.. И встает самый страшный для матери вопрос: кто повинен в том, что случилось? Она буквально казнит себя, перебирая в памяти все-все подробности. Теперешняя ее жизнь превратилась в ад. Она говорит, что, видимо, где-то что-то просмотрела, мимо чего-то равнодушно прошла. Ей каза-

лось, что все было хорошо! Но, может быть, действительно виновато дочкино увлечение и подражание кино. Видимо, оно и увело девочку в неизвестность. А может быть, наше неумение вовремя научить детей разбираться в тех, кто их окружает…

Короткие до безобразия юбки, кричащего цвета платья, босоножки с грязными пятками, снопы начесов на голове, тоже неподобного цвета… У семнадцатилетней девочки и у шестидесятилетней старушки театральным способом размалевано лицо: дикие «стрелки» на глазах… Почему мы во многом подражаем кому-то, забывая свое, русское, национальное?!. Подражаем, хотя знаем, что это некрасиво, что это развивает отрицательные черты у нашей молодежи…

Извините, что написала много. Хотелось шире коснуться вопроса морального здоровья наших детей. Пишу, лежа на больничной койке. Поблагодарите от нашего имени тов. Строганова за его полезное письмо,— мы его все поддерживаем!

В. Ф. КАВЕРИНА

Майкоп.

* * *

Нельзя так запросто «отметать» детектив и приключенческий фильм! Они уже сложились как жанры киноискусства. Значение же их в жизни современного человека, по-моему, велико: людям как никогда нужна разрядка, и человек идет в цирк, мюзик-холл, кино…

О «Фантомасе» много писали; тут со стороны кинопроката просчет налицо! «Фантомас», проскользнув на экраны, завоевал сердца и умы большей части молодых и почти всех маленьких зрителей! Но встает другой вопрос: ПОЧЕМУ НАШИ ДЕТИ ИГРАЮТ В ФАНТОМАСА, А НЕ В ГЕРОЯ КАКОГО-ЛИБО СОВЕТСКОГО ФИЛЬМА?..

Маленьких — да и молодых — зрителей привлекает если уж не романтика, то наверняка экзотика. Какой мальчишка не мечтал скакать на коне, сражаясь за правое дело! А эта мечта ТРЕБУЕТ ГЕРОЯ! Первый шаг в таком направлении сделан: «Неуловимые мстители». Но этого еще очень мало! А разве не надо кричать о безвкусице и пошлости фильмов «Спящий лев», «33», «Нет и да» и т. д.? Пусть это не ядовитая «кинопища», но уж такая скверная…

Нужен положительный герой в хорошем советском «вестерне». И пока он не появится, мальчишки будут играть в Фантомаса!

И. ШАМАРИН

Нижний Тагил.

* * *

Времена, когда ругали «джаз» и «дикий Запад», миновали. Лучше устройте дискуссию: что надо сделать, чтобы НАШИ фильмы было интересно смотреть! И поволноваться за героев и посмеяться от души! А то все больше читают с экрана нравоучения.

С уважением **ПУГАЧЕНКОВ А.**, геолог

Ташкент.

* * *

Уважаемая редакция!

Ворами и убийцами не рождаются, а мы частенько видим на наших экранах наглядные пособия на тему «Как стать вором». Эти фильмы проповедуют бездумную, пустую жизнь, «свободные отношения» между юношами и девушками.

Пора строго спросить с тех людей, которые ведают импортом этой «продукции» в нашу страну: почему они проявляют политическую близорукость?!. Нельзя ведь ради коммерции забывать вопросы идеологии!

Коллектив монтажников бригады Гусева.

Волгоградтяжстрой.

* * *

Сколько было разговоров о вреде «Фантомаса», но ни одна газета не назвала того человека, который притащил эту дрянь на наши экраны. И ясно почему. Назови такого, и на него посыплется град упреков со стороны родителей! А что бы сказали ему педагоги, учителя! Сколько бед им пришлось пережить после этого фильма! Я не преувеличиваю. Мое мнение таково: видно, тот, кто выпускает такие фильмы на наши экраны, не имеет детей, не думает о них!..

А. РУБАН, инженер

Донецкая обл., Шахтерск.

* * *

О письме тов. Строганова у нас в кругу друзей возникло много споров. Найдете ли вы современного молодого человека, который не любил бы кино? Мне кажется, таких нет!

Я детективы люблю. Детективные романы я начал читать чуть ли не с шести лет. Мое детское воображение было переполнено ими. Среди воров, убийц, грабителей я находил умных, смелых, ловких, бесстрашных людей. Но сам-то я не стал гангстером, а стал воином Советской Армии! И выполняю свой долг так, как этого требует Родина,— честно и справедливо. В жизни людей есть еще много плохого, но это плохое не нужно прятать по темным углам.

Не знаю, напечатает ли редакция мое письмо, но я бы очень хотел, чтобы вы его прочитали.

ЛОМАЧИНСКИЙ Анатолий

Казахстан.

* * *

Дорогая редакция!

У нас еще встречаются и несовершеннолетние воры и девицы легкого поведения, тунеядцы; в их формировании определенную роль сыграло кино.

Можно ли каким-то «приказом» запретить показ таких фильмов на экранах страны? Очевидно, нет. Но в противодействие им наши студии должны создавать больше хороших, богатых духовно кинолент, которые станут настоящими добрыми воспитателями молодого человека.

Александр УЛЬЯНОВ, механик

Ростов-на-Дону.

* * *

Почему именно «не нашими» фильмами ПОПРАВЛЯЮТСЯ дела кинотеатров?!. Прошу Вас, тов. Строганов, ответьте!

Кратко мое мнение: из молодых не должно воспитывать ханжей и слизняков. Не кричать «караул», а воспитывать себя и окружающих так, как считаешь правильным!

О себе. Мне 28 лет, работаю помощником командира горноспасательного взвода; зовут Вильгельм Гайнутдинов.

УССР, Кировск.

* * *

Если юноша выбрал себе ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ в жизни, то с этого пути не сможет сбить его какой-нибудь кинофильм, скажем, «Фантомас» или «Ограбление почтового поезда».

Детективные фильмы не могут оказать дурного влияния на молодежь, перед которой открыт широкий путь в жизнь.

Владимир РЕЗЮКОВ, ученик 10-го класса

Туркмения, Ак-Тепе, Ашхабадского р-на.

* * *

У наших специалистов, отбирающих и закупающих кинофильмы, утеряна партийная бдительность,— так, видно, обстоит дело с импортной кинопродукцией. Ну, а как обстоит дело с отечественной?.. В этой связи мне хочется обратить внимание на выпущенный недавно Ленфильмом фильм «Происшествие, которого никто не заметил». Было бы хорошо, если бы его действительно никто не заметил! Да вот как не заметишь, когда он широко демонстрируется на наших экранах?!.

Почему у нас нет культа женщины, как это было в Древней Греции и Риме?!. В фильме эта мысль развивается в виде сказки; героиня показывается в образе «чистой красоты». Вооружившись шлангом для поливания улиц, она вселяет в окружающих радостное настроение, смягчает их грубость… Выглядит все это довольно туманно и скорее похоже на бред больного воображения. Видимо, не дали авторам покоя лавры французского фильма «Мужчина и женщина»: хотели создать что-то подобное, но, как бывает в таких случаях, получилась плохая копия с хорошего оригинала.

В. А. ЗОТОВ, инженер

Горький.

* * *

Уважаемая редакция!

Мне двадцать лет, я комсомолец, окончил среднюю школу рабочей молодежи, работаю на мебельной фабрике контрольным мастером и готовлюсь к экзаменам в вуз. Я полностью согласен с Б. Строгановым, что кино является самым доходчивым коллективным воспитателем. Верно и то, что многие фильмы НЕЛЬЗЯ показывать подросткам до 16 лет. Но нельзя забывать и то, что наша молодежь достаточно развита и умеет отличать плохое от хорошего. А правду о жизни нигде так нельзя узнать и увидеть, как в кино!..

Виктор ГРЕЧКИН

Благовещенск-на-Амуре.

* * *

У меня двое сыновей: одному одиннадцать лет, второму — семь; дома у них бесконечные воспоминания о «Фантомасе» и о других фильмах, где происходят убийства. Они очень опасны, эти фильмы: они показывают, как надо убить, замести следы и скрыться, а мы не хотим даже и знать этого!

В. КЕНДЖАЕВА, инспектор по кадрам

Таджикская ССР, Ганчинский р-н.

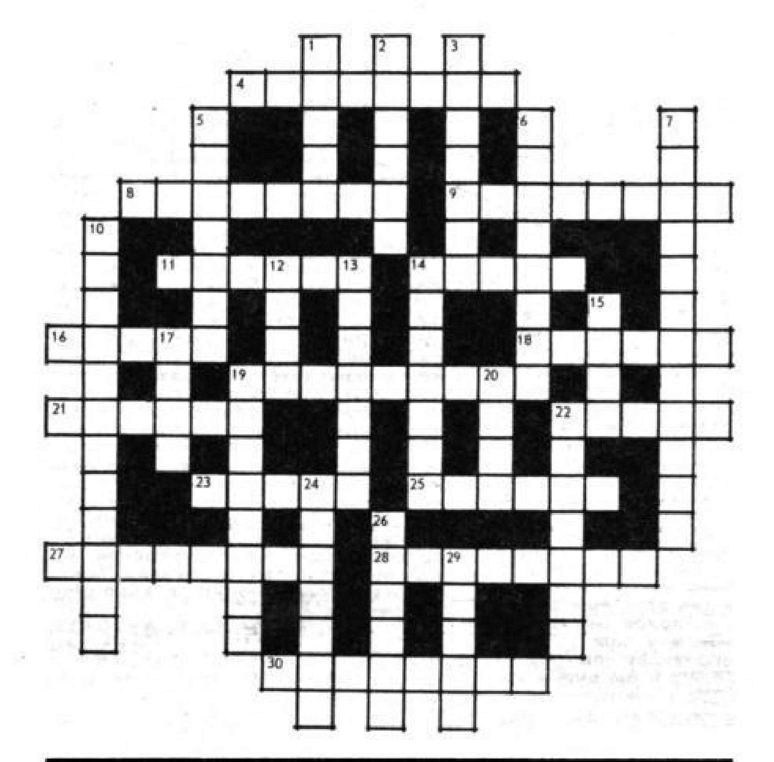
* * *

Я библиотекарь. Я также в ответе за воспитание наших детей. В нашем сельском клубе в большинстве идут фильмы заграничные. Все, которые указаны в письме тов. Строганова, шли и у нас, да еще можно добавить с десяток. А разве у нас нет своих героических фильмов?.. Чего не хватает, чтобы воспитывать наших детей на традициях и подвигах нашего народа?..

П. ИВАНОВА

Вассино, Тогучинский р-н, Новосибирской обл.

Рисунки Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Сорт стекла. 8. Персонаж комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 9. Дорожная повозка. 11. Живопись красками по сырой штукатурке. 14. Лиственное дерево. 16. Летчик. 18. Сокращение в тексте. 19. Щипковый инструмент. 21. Сухая лепешка из пресного теста. 22. Курорт на берегу Черного моря. 23. Мелодия, напев. 25. Звезда в созвездии Персея. 27. Русский поэт. 28. Наука о жизни, о живой природе. 30. Печать для получения оттисков на документах.

По вертикали:

1. Приток Оби. 2. Столица Канады. 3. Планка, закрывающая щель между стеной и полом. 5. Минерал синего цвета. 6. Растение с мелкими цветками. 7. Точная передача звуков языка буквами или знаками. 10. Вулканический массив в Африке. 12. Древнескандинавское сказание. 13. Автор произведения «Семейная хроника». 14. Пушной зверек. 15. Тонкий древесный лист. 17. Французский композитор. 19. Актер и режиссер, народный артист СССР. 20. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 22. Музыкальная пьеса, исполняемая в быстром темпе. 24. Вяжущий материал. 26. Металлическая рамка для патронов. 29. Помещение на корабле между водонепроницаемыми переборками.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

5. Темиртау. 7. Пролетка. 8. Верхарн. 10. Реостат. 13. Персик. 15. Адан. 16. «Алмаст». 19. Тамбур. 21. Нансен. 22. Азурит. 23. Бокс. 24. «Очаков». 26. Нальчик. 30. Токарев. 31. Рубероид. 32. Биология.

По вертикали:

1. Гектар. 2. Фигаро. 3. Ракета. 4. Глобус. 6. Маргарин. 9. Бетатрон. 11. Таранто. 12. Васнецов. 14. Карабин. 17. Мана. 18. Тигр. 20. Брусника. 25. Ариозо. 27. Афелий. 28. Чирков. 29. Кубрик.

На первой странице обложки: В. Маяковский на трибуне (кадры из кинохроники 1929 г.) и сатирические рисунки поэта.

На последней странице обложки: «Окно сатиры». Фрагмент. Рисунок В. Маяковского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 53-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 53-37-61; Международный — 53-38-63; Искусств — 50-46-98; Литературы — 53-31-10; Очерка — 50-15-33; Библиографии — 53-38-26; Науки и техники — 50-14-70; Юмора — 53-32-13; Спорта — 53-32-67; Фото — 53-39-04; Оформления — 53-38-36; Писем — 53-36-28; Литературных приложений — 53-30-39.

А 00440. Сдано в набор 24/VI-68 г. Подписано к печ. 9/VII-68 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 053 600 экз. Изд. № 1184. Заказ № 1793.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

„...И художник“

И. Е. Репин. 1915 г.

Л. В. Маяковская. 1910 г.

Гуго Геллерт. 1925 г.

Маяковский был художником. Художником-профессионалом. Всем известны его окна РОСТА.

Рисовать начал рано. Учился дома, потом в частных студиях живописцев С. Жуковского, П. Келина, а затем в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он выставлялся вместе с такими известными художниками, как Машков, Кончаловский.

Сохранились его ученические работы, живописные рисунки, карикатуры, автошаржи.

В 1915 году Маяковский был у Репина в Куоккале. Великому живописцу очень понравились стихи молодого поэта, рисунки, которые он увидел. Илья Ефимович предложил написать портрет поэта — в знак восхищения перед его талантом. А Маяковский тут же в мастерской сделал несколько набросков с Репина. Живописец был доволен. Особенно ему понравился карикатурный портрет, который мы публикуем.

Когда поэт был в США, он сделал портрет художника Гуго Геллерта. А Геллерт нарисовал Маяковского. И нельзя не согласиться со словами Гуго Геллерта, написанными на его портрете и обращенными к Маяковскому: «Ей-богу, вы не только великий поэт, но и художник».

В. В. Хлебников. 1916 г.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663